

Дополнительная литература

СКАЗКИ

«Белая уточка». Из сборника сказок А. Афанасьева

Один князь женился на прекрасной княжне и не успел еще на нее наглядеться, не успел с нею наговориться, не успел ее послушаться, а уж надо было им расставаться, надо было ему ехать в дальний путь, покинуть жену на чужих руках. Что делать! Говорят, век обнявшись не просидеть.

Много плакала княгиня, много князь ее уговаривал, заповедовал не покидать, высока терема, не ходить на беседу, с дурными людьми не ватажиться, худых речей не слушаться. Княгиня обещала все исполнить.

Князь уехал; она заперлась в своем покое и не выходит.

Долго ли, коротко ли, пришла к ней женщина, казалось – такая простая, сердечная!

- Что, говорит, - ты скучаешь? Хоть бы на Божий свет поглядела, хоть бы по саду прошлась, тоску размыкала.

Долго княгиня отговаривалась, не хотела, наконец, подумала: по саду походить не беда – и пошла.

В саду разливалась ключевая хрустальная вода.

- Что, - говорит женщина, - день такой жаркий, солнце палит, а водица студеная, так и плещет, не искупаться ли нам здесь?

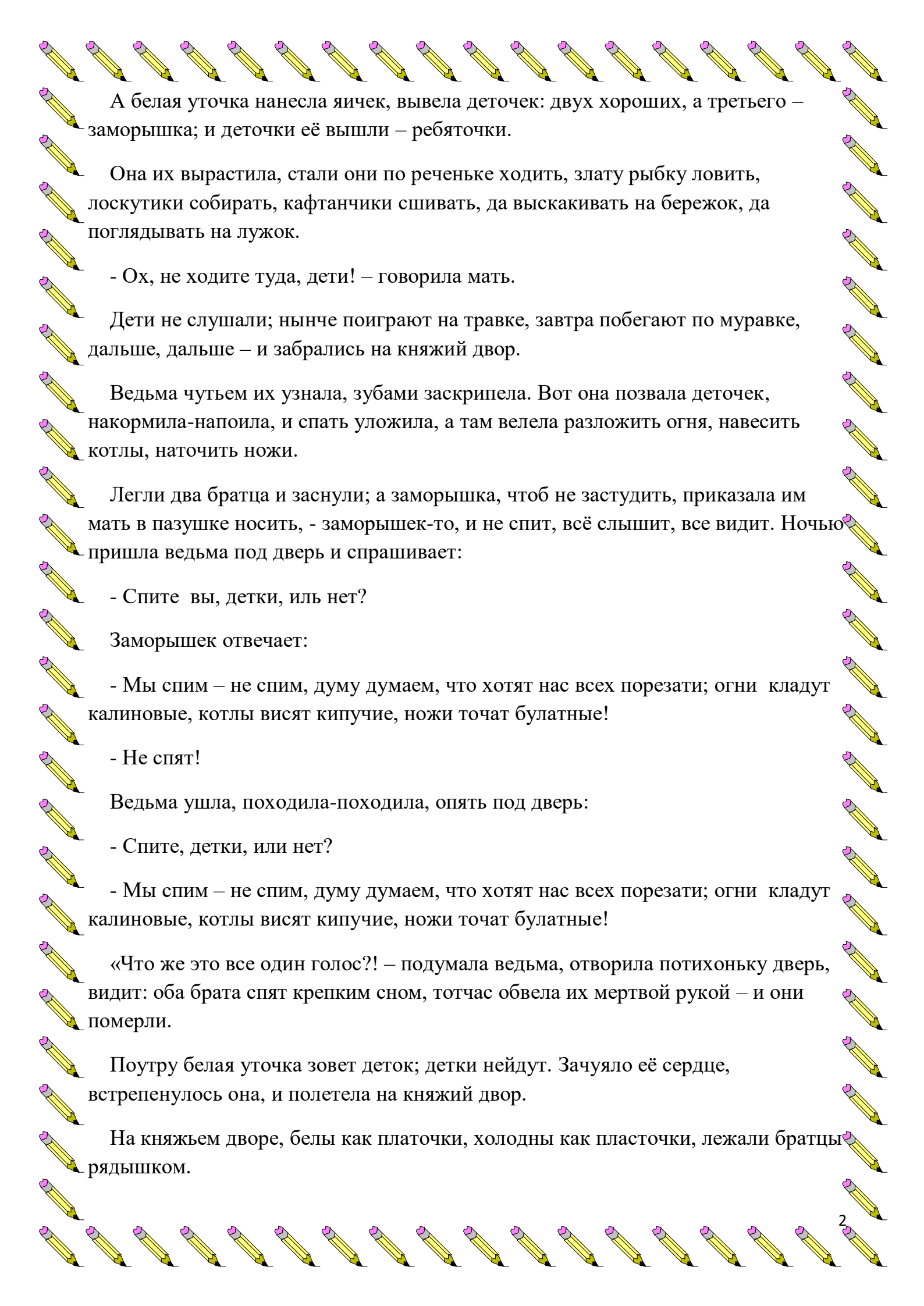
- Нет, нет, не хочу! – А там подумала: ведь искупаться не беда!

Скинула сарафанчик и прыгнула в воду. Только окунулась, женщина ударила её по спине.

- Плыви ты, - говорит, - белою уточкой! И поплыла княгиня белою уточкой.

Ведьма тотчас нарядилась в её платье, убралась, намалевалась и села ожидать князя.

Только щенок вякнул, колокольчик звякнул, она уже бежит навстречу, бросилась к князю, целует, милует. Он обрадовался, сам руки протянул и не распознал её.

А белая уточка нанесла яицек, вывела деточек: двух хороших, а третьего – заморышка; и деточки её вышли – ребяточки.

Она их вырастила, стали они по реченьке ходить, злату рыбку ловить, лоскутики собирать, кафтанчики сшивать, да выскакивать на бережок, да поглядывать на лужок.

- Ох, не ходите туда, дети! – говорила мать.

Дети не слушали; нынче поиграют на травке, завтра побегают по муравке, дальше, дальше – и забрались на княжий двор.

Ведьма чутьем их узнала, зубами заскрипела. Вот она позвала деточек, накормила-напоила, и спать уложила, а там велела разложить огня, навесить котлы, наточить ножи.

Легли два братца и заснули; а заморышка, чтоб не застудить, приказала им мать в пазушке носить, - заморышек-то, и не спит, всё слышит, все видит. Ночью пришла ведьма под дверь и спрашивает:

- Спите вы, детки, иль нет?

Заморышек отвечает:

- Мы спим – не спим, думу думаем, что хотят нас всех порезати; огни кладут калиновые, котлы висят кипучие, ножи точат булатные!

- Не спят!

Ведьма ушла, походила-походила, опять под дверь:

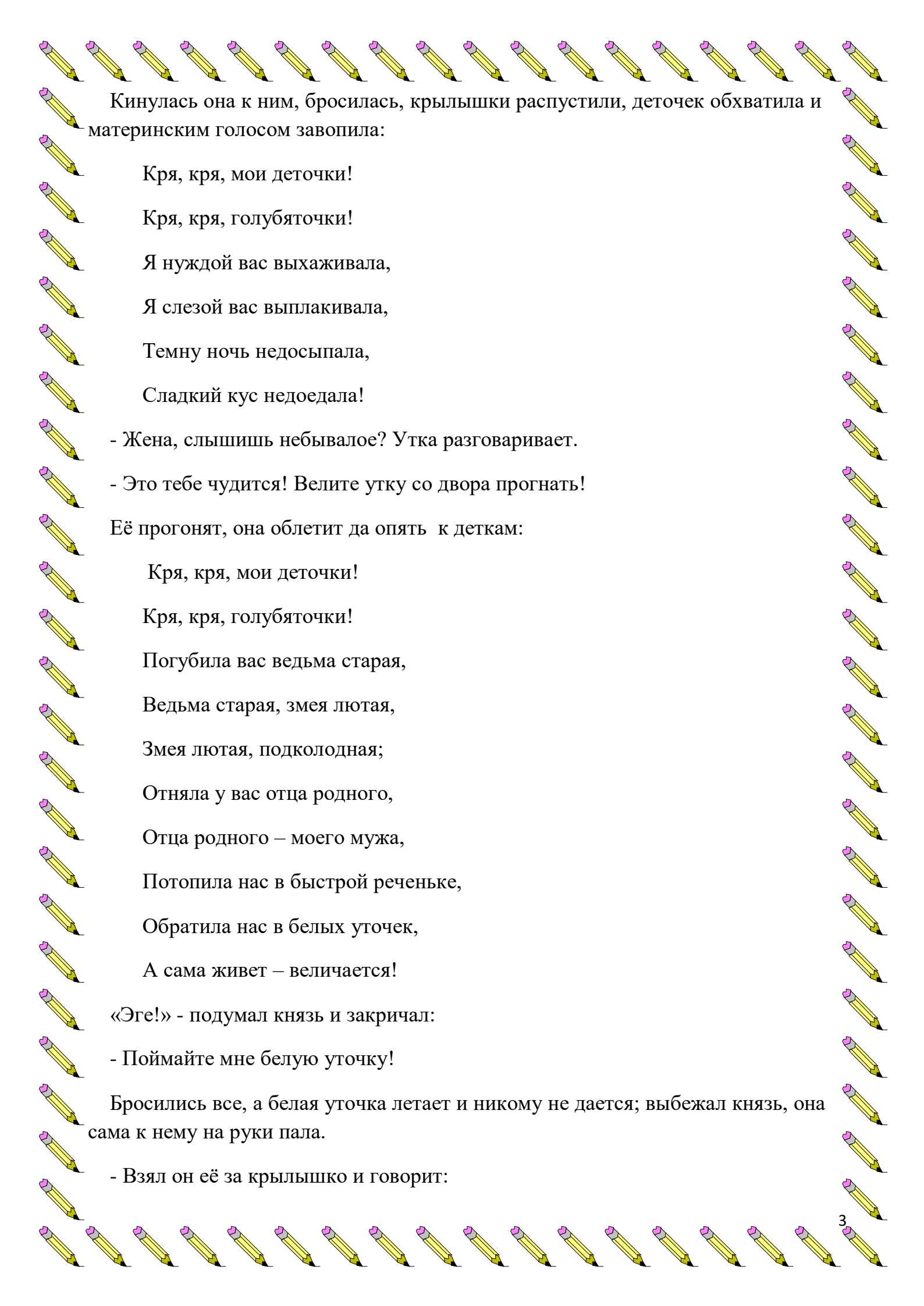
- Спите, детки, или нет?

- Мы спим – не спим, думу думаем, что хотят нас всех порезати; огни кладут калиновые, котлы висят кипучие, ножи точат булатные!

«Что же это все один голос?! – подумала ведьма, отворила потихоньку дверь, видит: оба брата спят крепким сном, тотчас обвела их мертвой рукой – и они померли.

Поутру белая уточка зовет деток; детки нейдут. Зачуяло её сердце, встрепенулось она, и полетела на княжий двор.

На княжем дворе, белы как платочки, холодны как пласточки, лежали братцы рядышком.

Кинулась она к ним, бросилась, крылышки распустили, деточек обхватила и материнским голосом завопила:

Кря, кря, мои деточки!

Кря, кря, голубяточки!

Я нуждой вас выхаживала,

Я слезой вас выплакивала,

Темну ночь недосыпала,

Сладкий кус недоедала!

- Жена, слышишь небывалое? Утка разговаривает.

- Это тебе чудится! Велите утку со двора прогнать!

Её прогонят, она облетит да опять к деткам:

Кря, кря, мои деточки!

Кря, кря, голубяточки!

Погубила вас ведьма старая,

Ведьма старая, змея лютая,

Змея лютая, подколотная;

Отняла у вас отца родного,

Отца родного – моего мужа,

Потопила нас в быстрой реченьке,

Обратила нас в белых уток,

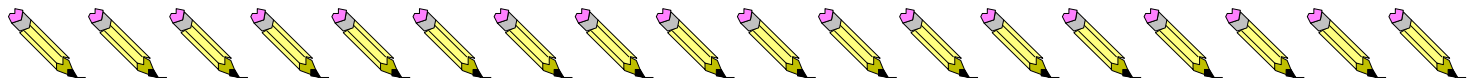
А сама живет – величается!

«Эге!» - подумал князь и закричал:

- Поймите мне белую уточку!

Бросились все, а белая уточка летает и никому не дается; выбежал князь, она сама к нему на руки пала.

- Взял он её за крылышко и говорит:

- Стань белая береза у меня позади, а красная девица впереди!

Белая береза вытянулась у него позади, а красная девица стала впереди, и в красной девице князь узнал свою молодую княгиню.

Тотчас поймали сороку, подвязали ей два пузырька, велели в один набрать воды живящей, в другой – говорящей. Сорока слетала, принесла воды.

Сбрызнули деток живящей водой – они вострепнулись, сбрызнули говорящую – они заговорили.

И стала у князя целая семья, и стали все жить-поживать, добро наживать, худо забывать.

А ведьму привязали к лошадиному хвосту, разметали по полю: где оторвалась нога – там стала кочерга; где рука – там грабли; где голова – там куст да колода.

Налетели птицы – мясо поклевали, поднялись ветки – кости разметали, и не осталось от ней ни следа, ни памяти!

«Мальчик с пальчик» (из сказок Ш. Перро, пер. Б. Дехтерева)

Жил когда-то дровосек с женой, и было у них семеро детей. Все семеро - мальчуганы: три пары близнецов и еще один, самый младший. Этому малышу едва лет семь исполнилось.

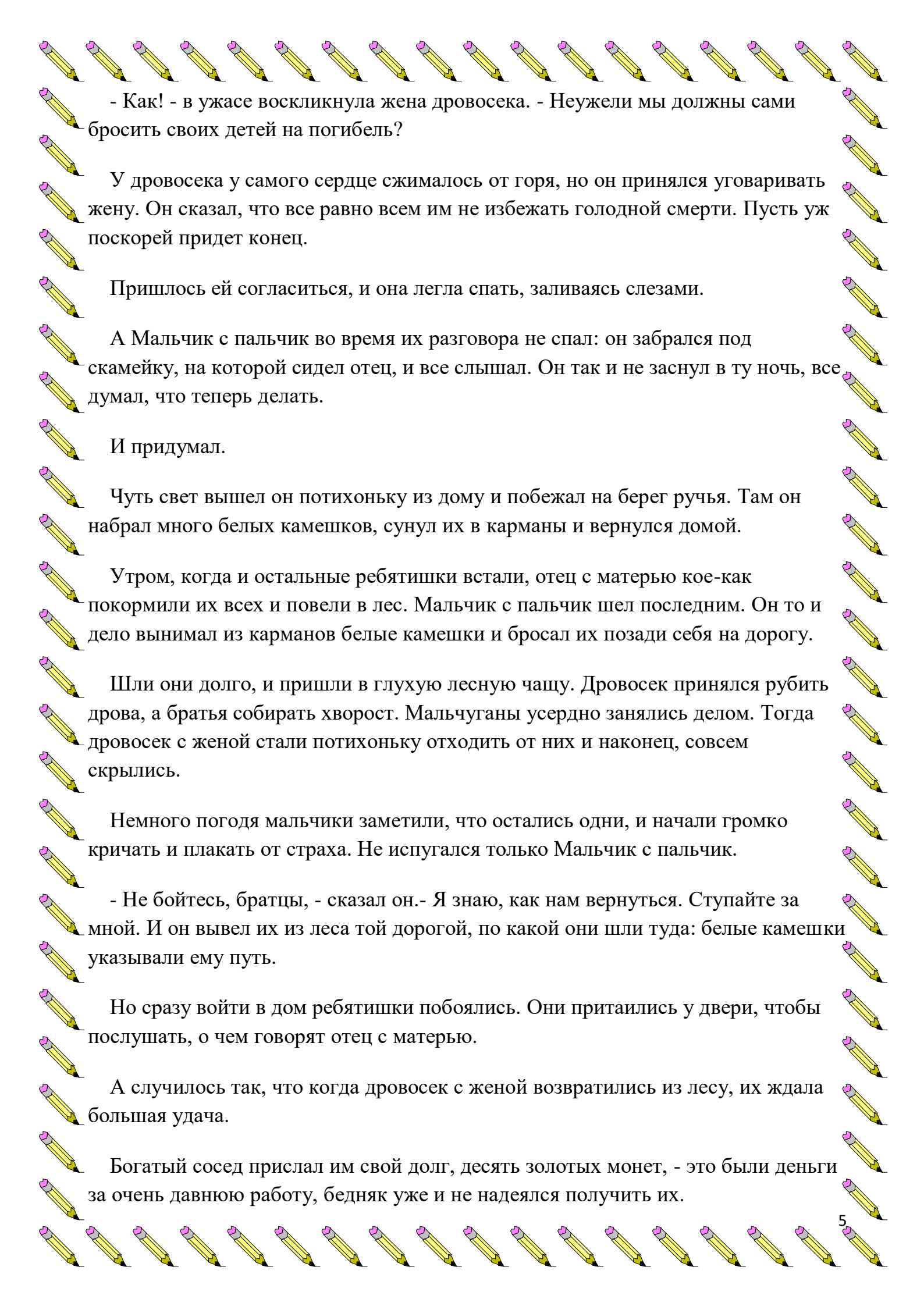
И до чего же он был мал! Родился он совсем крохотным. Право, не больше мизинчика. И рос плохо. Так и прозвали его: Мальчик с пальчик.

Зато, какой он смысленный, разумный!

Жили они очень бедно, дровосеку трудно было прокормить такую большую семью. А тут еще выдался неурожайный год, и в стране наступил страшный голод. Беднякам и совсем туго пришлось.

Как-то вечером, когда мальчики улеглись спать, дровосек присел с женой к огню и сказал:

- Ну, как нам быть? Ты сама видишь, мне детей не прокормить. А каково нам будет, когда наши ребятишки станут у нас на глазах один за другим умирать от голода? Давай лучше заведем их в лес и там оставим. Пусть уж разом погибнут все вместе, и мы не будем видеть их смерти. А может, им и посчастливится спастись - тут все-таки есть надежда.

- Как! - в ужасе воскликнула жена дровосека. - Неужели мы должны сами бросить своих детей на погибель?

У дровосека у самого сердце сжималось от горя, но он принялся уговаривать жену. Он сказал, что все равно всем им не избежать голодной смерти. Пусть уж поскорей придет конец.

Пришлось ей согласиться, и она легла спать, заливаясь слезами.

А Мальчик с пальчик во время их разговора не спал: он забрался под скамейку, на которой сидел отец, и все слышал. Он так и не заснул в ту ночь, все думал, что теперь делать.

И придумал.

Чуть свет вышел он потихоньку из дому и побежал на берег ручья. Там он набрал много белых камешков, сунул их в карманы и вернулся домой.

Утром, когда и остальные ребята встали, отец с матерью кое-как покормили их всех и повели в лес. Мальчик с пальчик шел последним. Он то и дело вынимал из карманов белые камешки и бросал их позади себя на дорогу.

Шли они долго, и пришли в глухую лесную чащу. Дровосек принялся рубить дрова, а братья собирать хворост. Мальчуганы усердно занялись делом. Тогда дровосек с женой стали потихоньку отходить от них и наконец, совсем скрылись.

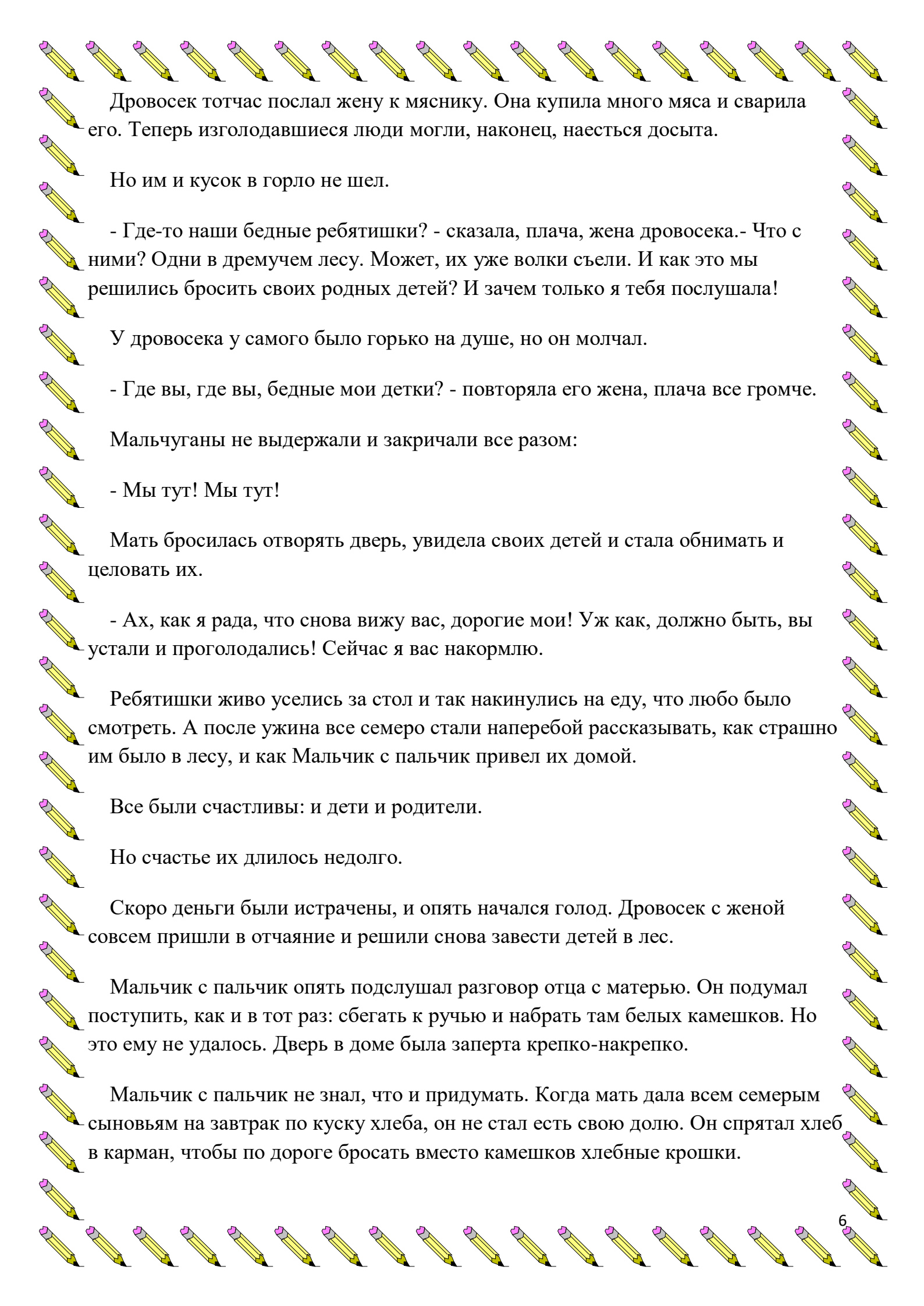
Немного погодя мальчики заметили, что остались одни, и начали громко кричать и плакать от страха. Не испугался только Мальчик с пальчик.

- Не бойтесь, братцы, - сказал он. - Я знаю, как нам вернуться. Ступайте за мной. И он вывел их из леса той дорогой, по какой они шли туда: белые камешки указывали ему путь.

Но сразу войти в дом ребята побоялись. Они притаились у двери, чтобы послушать, о чем говорят отец с матерью.

А случилось так, что когда дровосек с женой возвратились из лесу, их ждала большая удача.

Богатый сосед прислал им свой долг, десять золотых монет, - это были деньги за очень давнюю работу, бедняк уже и не надеялся получить их.

Дровосек тотчас послал жену к мяснику. Она купила много мяса и сварила его. Теперь изголодавшиеся люди могли, наконец, наесться досыта.

Но им и кусок в горло не шел.

- Где-то наши бедные ребятишки? - сказала, плача, жена дровосека.- Что с ними? Одни в дремучем лесу. Может, их уже волки съели. И как это мы решились бросить своих родных детей? И зачем только я тебя послушала!

У дровосека у самого было горько на душе, но он молчал.

- Где вы, где вы, бедные мои детки? - повторяла его жена, плача все громче.

Мальчуганы не выдержали и закричали все разом:

- Мы тут! Мы тут!

Мать бросилась отворять дверь, увидела своих детей и стала обнимать и целовать их.

- Ах, как я рада, что снова вижу вас, дорогие мои! Уж как, должно быть, вы устали и проголодались! Сейчас я вас накормлю.

Ребятишки живо уселись за стол и так накинулись на еду, что любо было смотреть. А после ужина все семеро стали наперебой рассказывать, как страшно им было в лесу, и как Мальчик с пальчик привел их домой.

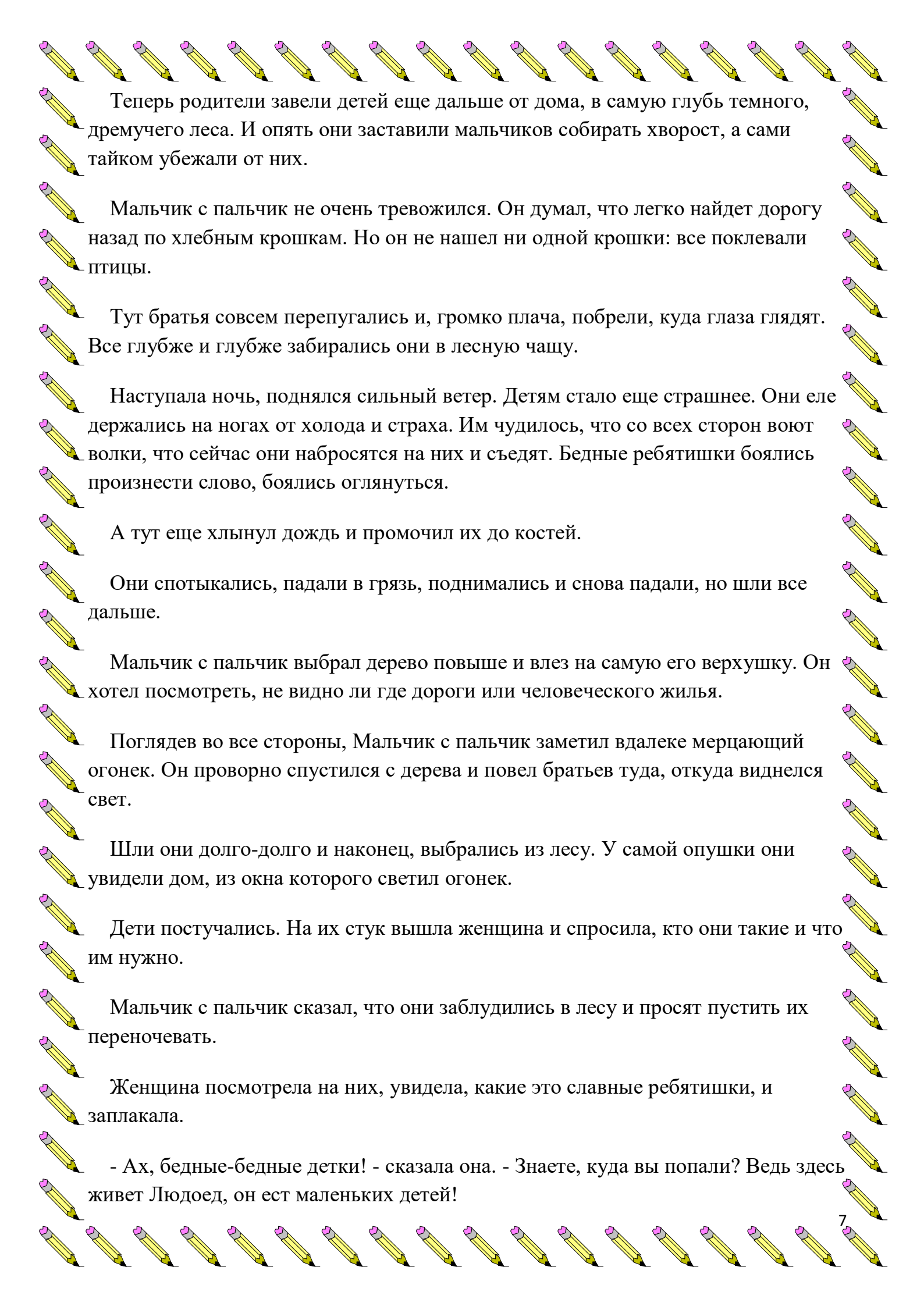
Все были счастливы: и дети и родители.

Но счастье их длилось недолго.

Скоро деньги были истрачены, и опять начался голод. Дровосек с женой совсем пришли в отчаяние и решили снова завести детей в лес.

Мальчик с пальчик опять подслушал разговор отца с матерью. Он подумал поступить, как и в тот раз: сбежать к ручью и набрать там белых камешков. Но это ему не удалось. Дверь в доме была заперта крепко-накрепко.

Мальчик с пальчик не знал, что и придумать. Когда мать дала всем семерым сыновьям на завтрак по куску хлеба, он не стал есть свою долю. Он спрятал хлеб в карман, чтобы по дороге бросать вместо камешков хлебные крошки.

Теперь родители завели детей еще дальше от дома, в самую глубь темного, дремучего леса. И опять они заставили мальчиков собирать хворост, а сами тайком убежали от них.

Мальчик с пальчик не очень тревожился. Он думал, что легко найдет дорогу назад по хлебным крошкам. Но он не нашел ни одной крошки: все поклевали птицы.

Тут братья совсем перепугались и, громко плача, побрели, куда глаза глядят. Все глубже и глубже забирались они в лесную чащу.

Наступала ночь, поднялся сильный ветер. Детям стало еще страшнее. Они еле держались на ногах от холода и страха. Им чудилось, что со всех сторон воют волки, что сейчас они набросятся на них и съедят. Бедные ребятки боялись произнести слово, боялись оглянуться.

А тут еще хлынул дождь и промочил их до костей.

Они спотыкались, падали в грязь, поднимались и снова падали, но шли все дальше.

Мальчик с пальчик выбрал дерево повыше и влез на самую его верхушку. Он хотел посмотреть, не видно ли где дороги или человеческого жилья.

Поглядев во все стороны, Мальчик с пальчик заметил вдалеке мерцающий огонек. Он проворно спустился с дерева и повел братьев туда, откуда виднелся свет.

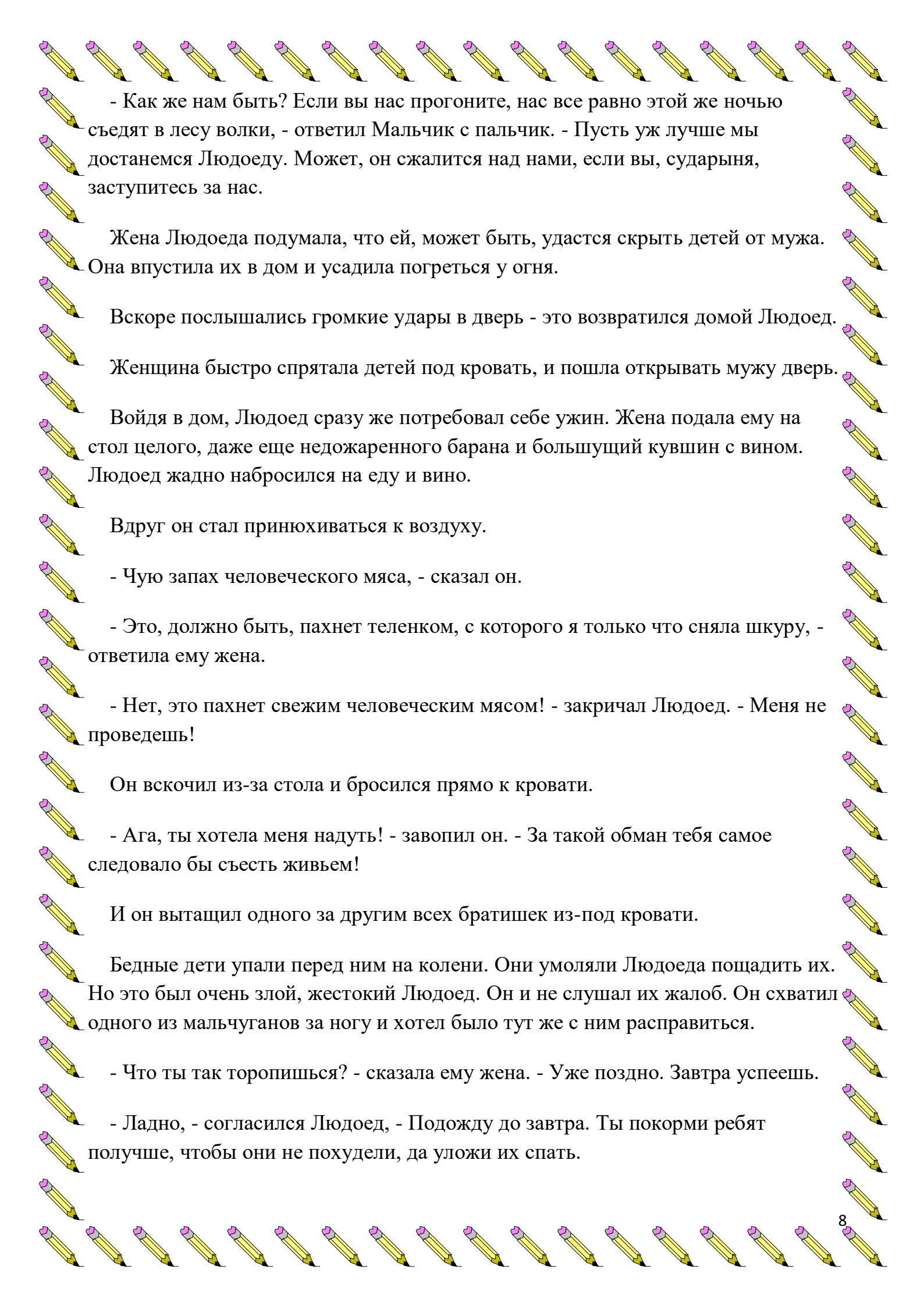
Шли они долго-долго и наконец, выбрались из лесу. У самой опушки они увидели дом, из окна которого светил огонек.

Дети постучались. На их стук вышла женщина и спросила, кто они такие и что им нужно.

Мальчик с пальчик сказал, что они заблудились в лесу и просят пустить их переночевать.

Женщина посмотрела на них, увидела, какие это славные ребятки, и заплакала.

- Ах, бедные-бедные детки! - сказала она. - Знаете, куда вы попали? Ведь здесь живет Людоед, он ест маленьких детей!

- Как же нам быть? Если вы нас прогоните, нас все равно этой же ночью съедят в лесу волки, - ответил Мальчик с пальчик. - Пусть уж лучше мы достанемся Людоеду. Может, он сжалится над нами, если вы, сударыня, заступитесь за нас.

Жена Людоеда подумала, что ей, может быть, удастся скрыть детей от мужа. Она впустила их в дом и усадила погреться у огня.

Вскоре послышались громкие удары в дверь - это возвратился домой Людоед.

Женщина быстро спрятала детей под кровать, и пошла открывать мужу дверь.

Войдя в дом, Людоед сразу же потребовал себе ужин. Жена подала ему на стол целого, даже еще недожаренного барана и большущий кувшин с вином. Людоед жадно набросился на еду и вино.

Вдруг он стал принюхиваться к воздуху.

- Чую запах человеческого мяса, - сказал он.

- Это, должно быть, пахнет телянкой, с которого я только что сняла шкуру, - ответила ему жена.

- Нет, это пахнет свежим человеческим мясом! - закричал Людоед. - Меня не проведешь!

Он вскочил из-за стола и бросился прямо к кровати.

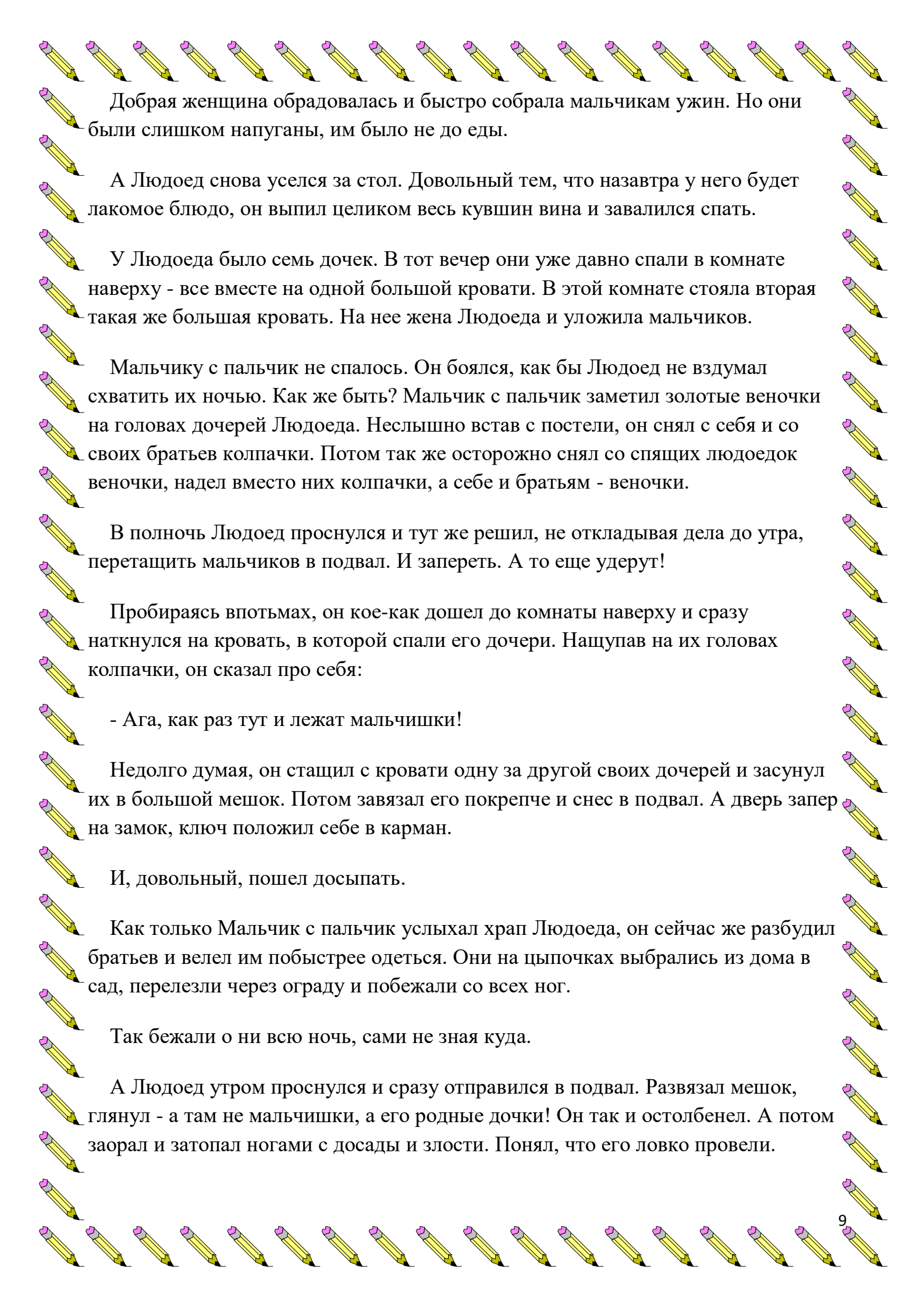
- Ага, ты хотела меня надуть! - завопил он. - За такой обман тебя самое следовало бы съесть живьем!

И он вытащил одного за другим всех братишек из-под кровати.

Бедные дети упали перед ним на колени. Они умоляли Людоеда пощадить их. Но это был очень злой, жестокий Людоед. Он и не слушал их жалоб. Он схватил одного из мальчуганов за ногу и хотел было тут же с ним расправиться.

- Что ты так торопишься? - сказала ему жена. - Уже поздно. Завтра успеешь.

- Ладно, - согласился Людоед, - Подожду до завтра. Ты покорми ребят получше, чтобы они не похудели, да уложи их спать.

Добрая женщина обрадовалась и быстро собрала мальчикам ужин. Но они были слишком напуганы, им было не до еды.

А Людоед снова уселся за стол. Довольный тем, что назавтра у него будет лакомое блюдо, он выпил целиком весь кувшин вина и завалился спать.

У Людоеда было семь дочек. В тот вечер они уже давно спали в комнате наверху - все вместе на одной большой кровати. В этой комнате стояла вторая такая же большая кровать. На нее жена Людоеда и уложила мальчиков.

Мальчику с пальчик не спалось. Он боялся, как бы Людоед не вздумал схватить их ночью. Как же быть? Мальчик с пальчик заметил золотые веночки на головах дочерей Людоеда. Неслышно встав с постели, он снял с себя и со своих братьев колпачки. Потом так же осторожно снял со спящих людоедок веночки, надел вместо них колпачки, а себе и братьям - веночки.

В полночь Людоед проснулся и тут же решил, не откладывая дела до утра, перетащить мальчиков в подвал. И запереть. А то еще удерут!

Пробираясь впотьмах, он кое-как дошел до комнаты наверху и сразу наткнулся на кровать, в которой спали его дочери. Нащупав на их головах колпачки, он сказал про себя:

- Ага, как раз тут и лежат мальчишки!

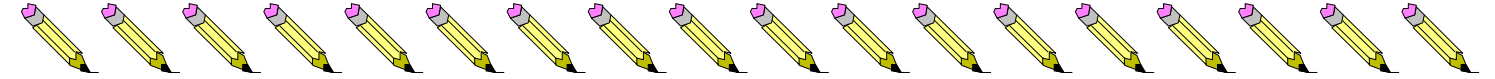
Недолго думая, он стащил с кровати одну за другой своих дочерей и засунул их в большой мешок. Потом завязал его покрепче и снес в подвал. А дверь запер на замок, ключ положил себе в карман.

И, довольный, пошел досыпать.

Как только Мальчик с пальчик услышал храп Людоеда, он сейчас же разбудил братьев и велел им побыстрее одеться. Они на цыпочках выбрались из дома в сад, перелезли через ограду и побежали со всех ног.

Так бежали о ни всю ночь, сами не зная куда.

А Людоед утром проснулся и сразу отправился в подвал. Развязал мешок, глянул - а там не мальчишки, а его родные дочки! Он так и остолбенел. А потом заорал и затопал ногами с досады и злости. Понял, что его ловко провели.

- Ну ладно же! - вопил он. - Вы за это поплатитесь, негодные мальчишки! Эй, жена! Подать мне мои сапоги-скороходы!

Людоед пустился в погоню. Долго рыскал он по лесу без толку, но, наконец, напал на след беглецов. А дети были уже недалеко от своего дома, всего в ста шагах!

Людоед шагал с одной горки на другую, перепрыгивал через реки, как через ручейки.

Братья еще издали увидели Людоеда. Мальчик с пальчик тут же нашел небольшую пещеру в скале, и они все там спрятались.

Людоед устал от долгой погони - в сапогах-скороходах бегать не так-то легко!

Он решил передохнуть и случайно уселся как раз на ту скалу, под которой укрылись мальчики.

Через минуту Людоед заснул и так ужасно захрапел, что братишек затрясло от страха. Один только Мальчик с пальчик не струсил и не растерялся. Он велел братьям что есть сил бежать к дому, пока Людоед спит, а сам подкрался к нему и потихоньку стащил с него сапоги-скороходы. Сапоги были, конечно, огромные, но они были волшебные. Они могли делаться то больше, то меньше, любому по ноге. Мальчик с пальчик обулся в них без труда. Они пришлись ему как раз впору.

А что было дальше?

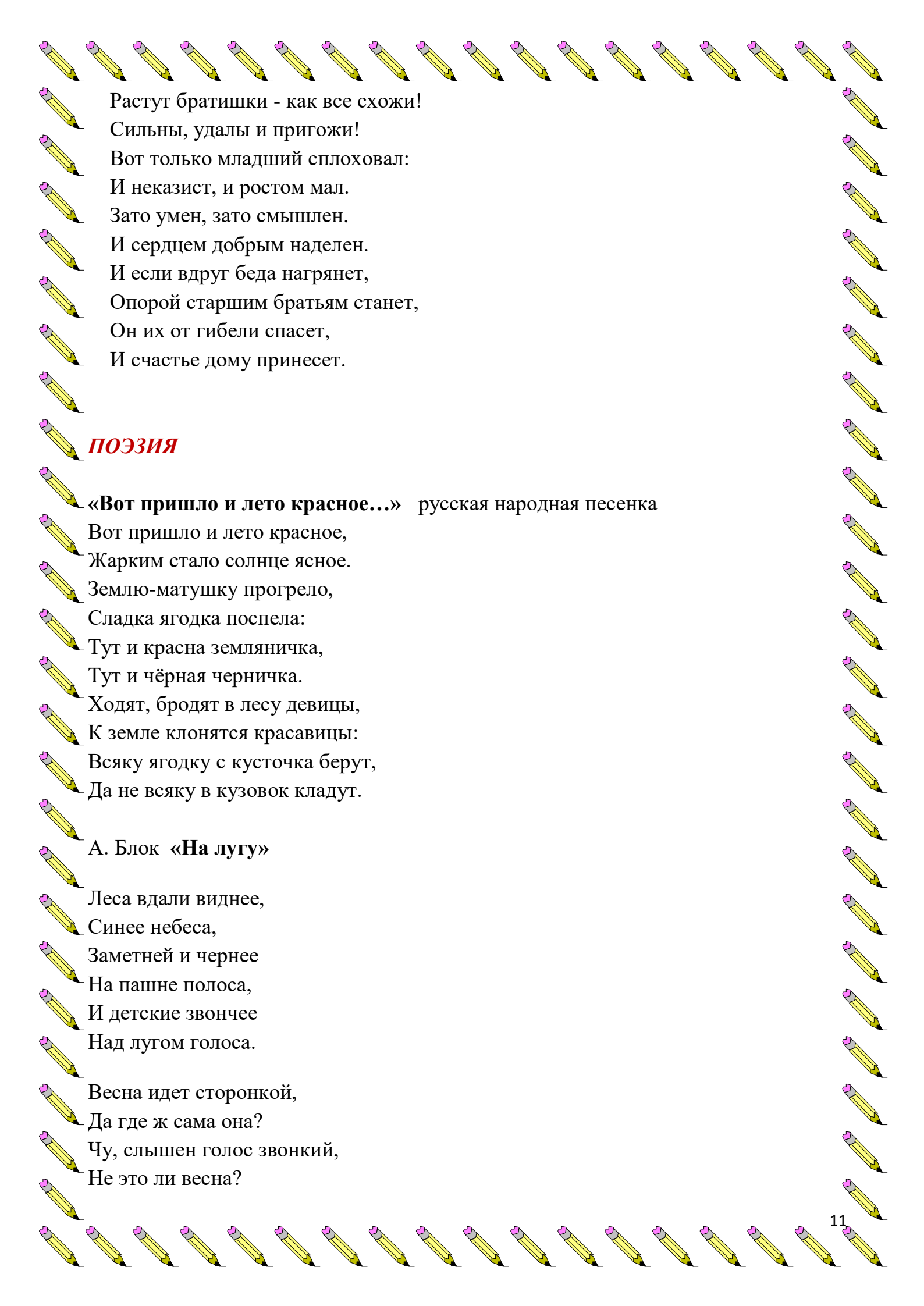
Одни рассказывают, что вместе с сапогами-скороходами Мальчик с пальчик забрал у злого Людоеда толстый кошелек с золотыми монетами. Другие говорят, что, надев сапоги-скороходы, Мальчик с пальчик отправился в них к королю, и тот принял его к себе на службу гонцом. И Мальчик с пальчик заработал немало на королевской службе.

Так или иначе, но Мальчик с пальчик вернулся домой к своим родным жив и невредим. И не с пустым карманом!

И как же обрадовались ему дома!

С тех пор дровосек с женой и детьми жили хорошо, не зная ни нужды, ни горя.

Вот как оно бывает.

Растут братишки - как все схожи!

Сильны, удалы и пригожи!

Вот только младший сплеховал:

И неказист, и ростом мал.

Зато умен, зато смышлен.

И сердцем добрым наделен.

И если вдруг беда нагрянет,

Опорой старшим братьям станет,

Он их от гибели спасет,

И счастье дому принесет.

ПОЭЗИЯ

«**Вот пришло и лето красное...**» русская народная песенка

Вот пришло и лето красное,

Жарким стало солнце ясное.

Землю-матушку прогрело,

Сладка ягодка поспела:

Тут и красна земляничка,

Тут и чёрная черничка.

Ходят, бродят в лесу девицы,

К земле клонятся красавицы:

Всяку ягодку с кусточка берут,

Да не всяку в кузовок кладут.

А. Блок «**На лугу**»

Леса вдали виднее,

Синее небеса,

Заметней и чернее

На пашне полоса,

И детские звончее

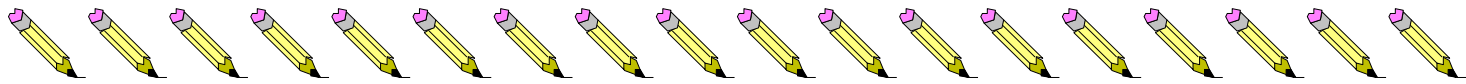
Над лугом голоса.

Весна идет сторонкой,

Да где ж сама она?

Чу, слышен голос звонкий,

Не это ли весна?

Нет, это звонко, тонко
В ручье журчит волна...

Н. Некрасов «Перед дождём»

Заунывный ветер гонит
Стаю туч на край небес,
Ель надломленная стонет,
Глухо шепчет темный лес.

На ручей, рябой и пестрый,
За листком летит листок,
И струей сухой и острой
Набегает холодок.

Полумрак на всё ложится;
Налетев со всех сторон,
С криком в воздухе кружится
Стая галок и ворон.

Над проезжей таратайкой
Спущен верх, перед закрыт;
И "пошел!" - привстав с нагайкой,
Ямщику жандарм кричит...

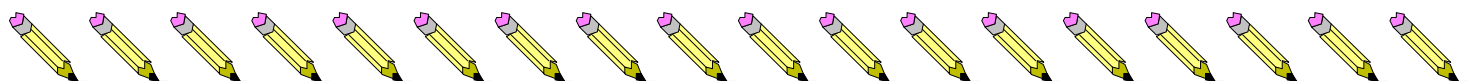
А. Пушкин. «За весной, красой природы...»

За весной, красой природы,
Лето знойное пройдет -
И туман и непогоды
Осень поздняя несет:
Людам скучно, людам горе;
Птичка в дальние страны,
В теплый край, за сине море
Улетает до весны.

А. Фет. «Что за вечер...»

12

Что за вечер! А ручей,
Так и рвется.

Как зарей-то соловей
Раздается!

Месяц светом с высоты
Обдал нивы,
А в овраге блеск воды,
Тень да ивы.

Знать, давно в плотине течь:
Доски гнилы, -
А нельзя здесь не прилечь
На перилы.

Так-то всё весной живет!
В роще, в поле
Всё трепещет и поет
Поневоле.

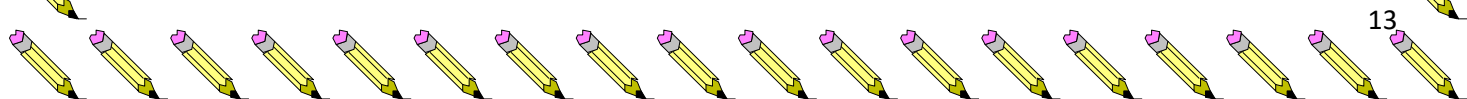
Мы замолкнем, что в кустах
Хоры эти, -
Придут с песнью на устах
Наши дети;

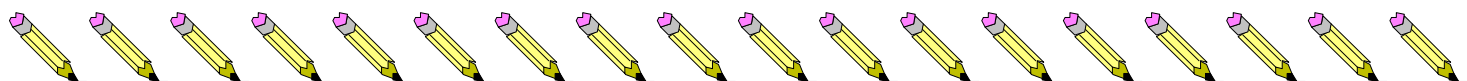
А не дети, так пройдут
С песнью внуки:
К ним с весною низойдут
Те же звуки.

С. Черный. «Перед сном»

Каждый вечер перед сном прячу голову в подушку:
Из подушки лезет гном и везет на тачке хрюшку,
А за хрюшкою дракон, длинный, словно макарона...

За драконом – красный слон, на слоне сидит ворона,
На вороне – стрекоза, на стрекозке – тетя Даша...

Чуть прижму рукой глаза – и сейчас же все запляшут!

Искры прыгают снопом, колесом летят ракеты,

Я смотрю, лежу ничком и тихонько ем конфеты.

Сердцу жарко, нос горит, по ногам бегут мурашки,

Тьма кругом, как страшный кит, подбирается к рубашке...

Тише мышки я тогда, зашуршишь -
и будет баня

Няня хитрая,- беда. Всё подсмотрит эта няня!

"Спи, вот встану, погоди!" Даст щелчка по одеялу,
А ослушаешься – жди и нашлапает, пожалуй!

С. Черный. «Волшебник»

«Я сейчас, дядя Саша, - хотите? -
Превращу вас в кота...

Вы рукав своей куртки ловите
Вместо хвоста,

И тихонько урчите,-
Потому что вы кот,

И, зажмурив глазки, лижите
Свой пушистый живот...

Я поставлю вам на пол блюдце
С молоком,-

Надо, дядя, вот так изогнуться
И лакать языком.

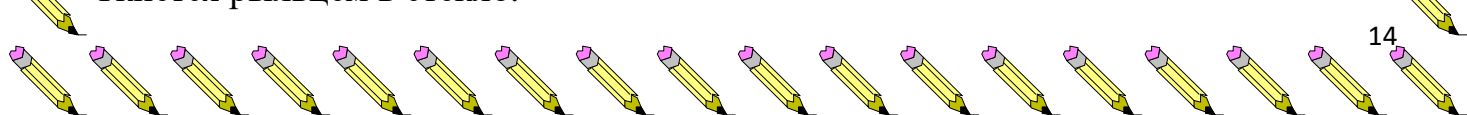
А потом я возьму вас в охапку,
Вы завьетесь в клубок, как удав,-

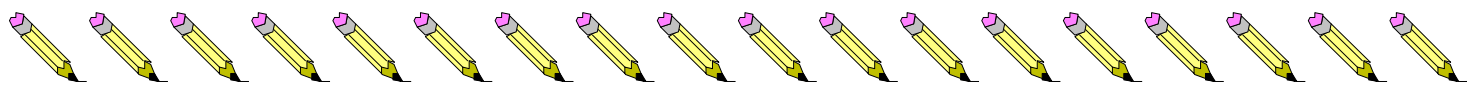
Оботру я усы вам тряпкой,
И вы скажете: „Мяв!“

А кота, настоящего Пышку,
Превращу я - хотите? - в вас.

Пусть, уткнувшись мордочкой в книжку,
Просидит целый час...

Пусть походит по комнатам вяло,
Ткнется рыльцем в стекло.

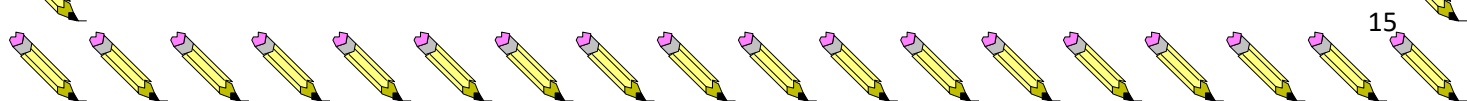

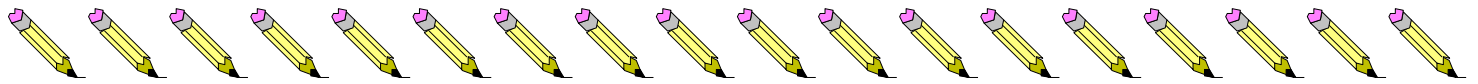

И, присев к столу, из бокала
Вынет лапкой стило...
Сам себе язык он покажет,
Покачается, как пароход,-
А потом он кляксу размажет,
Папироску в угол швырнет
И, ко мне повернувшись, скажет:
„Не бурчи, бегемот!..“»
Но в ответ на мальчишкины бредни
Проворчал я: «Постой!..
Я и сам колдун не последний,-
Погоди, золотой!
За такое твое поведенье
Наступлю я тебе на мозоль:
Вот сейчас рассержусь - и в мгновенье
Превращу тебя в моль...
Над бокалом завьешься ты мошкой -
Перелет, пируэт,-
Вмиг тебя я прихлопну ладошкой,
И, ау, - тебя нет!
Кот лениво слижет с ладони
Бледно-желтую пыль
И раскинет живот на балконе,
Вскинув хвост, как ковыль...»
Ты надулся: «Какой вы несносный!
Я за это...» Ты топнул и встал:
«Превращу я вас в дым папиросный...»
Но, смеясь, я сказал: «Опоздал!»

Э. Мошковская. «Хитрые старушки»

Наверно, у старушек
Полным-полно игрушек!
Матрешек и петрушек,
И заводных лягушек.
Но, хитрые старушки,
Припрятали игрушки.
И сели в уголок,
Вязать себе чулок,

И гладить свою кошку,
И охать понарошку.
А сами только ждут,
Когда же все уйдут!

И в тот же миг
Старушки - прыг!

Летит чулок
Под потолок!
И достают старушки
Слона из-под подушки,
И куклу, и жирафа,
И мячик из-под шкафа.

Но только в дверь - звонок,
Они берут чулок...

И думают старушки -
Не знает про игрушки
Никто-никто в квартире,
И даже в целом мире!

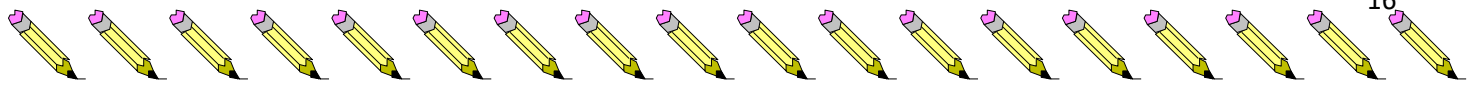
Э. Мошковская. «Какие бывают подарки»

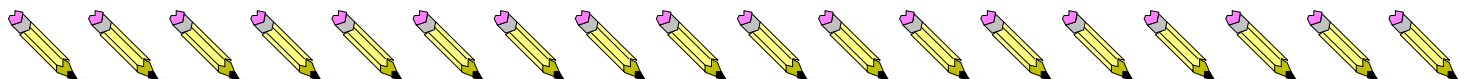
В подарок
Можно дудеть.

Подарок
Можно надеть.

Подарки вкусные есть.
Мне шоколадка нравится:
Можно подарок съесть,
Золотая бумажка останется.

Подарок
Может взлететь.
В клетке сидеть
И петь.

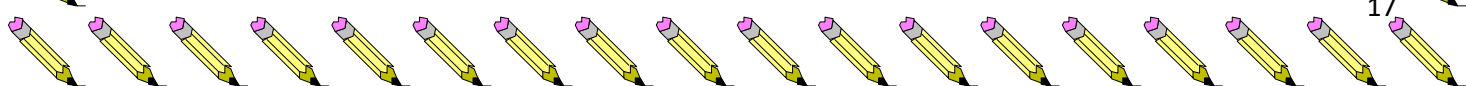

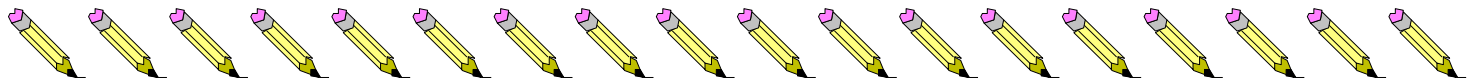
Подарок
Может ползти.
Плыть.
Плавниками грести.
Но каждый, наверное, хочет
Подарок,
Который ходит!
Который хвостом виляет!
И лает...
Каждый желает!

В. Берестов. «Дракон»

В дверь диетической столовой
Вошёл дракон семиголовый.
Он хором "Здравствуйте!" сказал
И, улыбаясь, заказал:
- Для этой головы,
Пожалуйста, халвы.
Для этой пасти -
Прочие сласти.
Для этой головки -
Перловки.
Для этой глотки -
Селёдки.
Для этой башки -
Пирожки.
Для этой рожи -
То же.
Для этого личика -
Два сдобных куличика.
Что ещё?
Лимонада бутылку,
Семь салфеток, ножик и вил

Л. Фадеева. «Земляничка»

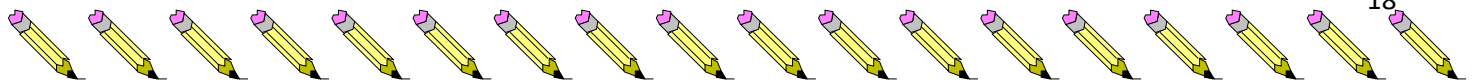
Земляничка
Возле пня
Всем сказала:
- Нет меня! -
Оглянулась,
И, потом,
Притаилась под листом.
Солнца луч её нашёл,
Закричал:
- Нехорошо!
Обманула!
Ай-ай-ай!
Земляничка,
Вылезай! -
Покраснела ягода
И сказала:
- Ябеда...

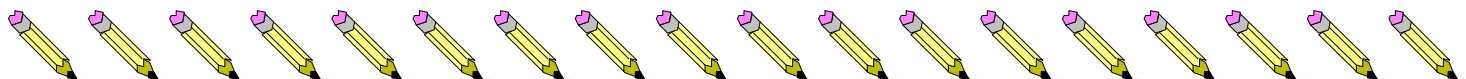
И Токмакова. «Мне грустно...»

Мне грустно - я лежу больной.
Вот новый катер заводной.
А в деревне - лошади.
Папа мне купил тягач,
Кран игрушечный и мяч.
А в деревне - лошади.
Мне грустно - я лежу больной.
Вот вертолетики желяной.
А в деревне - лошади.
Я в деревне летом был,
Я лошадь серую кормил,
Она сухарь жевала,
И головой кивала.

Д. Хармс. «Веселый старичок»

Жил на свете старичок
Маленького роста,
И смеялся старичок

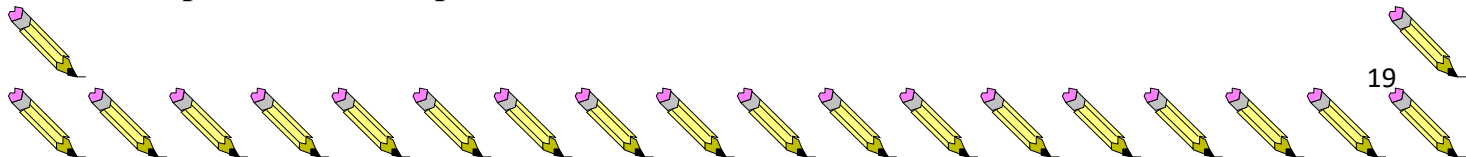

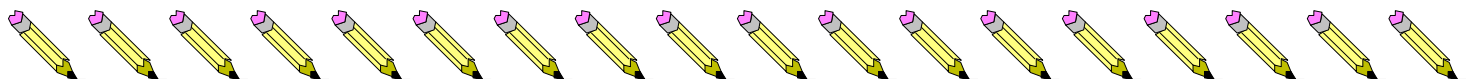
Чрезвычайно просто:
«Ха-ха-ха,
Да хе-хе-хе.
Хи-хи-хи,
Да бух-бух!
Бу-бу-бу,
Да бе-бе-бе.
Динь-динь-динь.
Да трюх-трюх!»

Раз, увидя паука,
Страшно испугался,
Но, схватившись за бока,
Громко рассмеялся:
«Хи-хи-хи.
Да ха-ха-ха,
Хо-хо-хо,
Да гуль-гуль!
Ги-ги-ги,
Да га-га-га,
Го-го-го,
Да буль-буль!»

А, увидя стрекозу,
Страшно рассердился,
Но от смеха на траву
Так и повалился:
«Гы-гы-гы,
Да гу-гу-гу.
Го-го-го,
Да бах-бах!
Ой, ребята,
Не могу!
Ой, ребята,
Ах, ах!»

Д. Хармс. «Иван Торопышкин»

Иван Торопышкин пошёл на охоту,
С ним пудель пошёл, перепрыгнув забор.

Иван, как бревно, провалился в болото,
А пудель в реке утонул, как топор.

Иван Торопышкин пошёл на охоту,
С ним пудель вприпрыжку пошёл, как топор.

Иван повалился бревном на болото,
А пудель в реке перепрыгнул забор.

Иван Торопышкин пошёл на охоту,
С ним пудель в реке провалился в забор.

Иван, как бревно, перепрыгнул болото,
А пудель вприпрыжку попал на топор.

М. Валек. «Мудрецы», пер. со словацкого Р. Сефа

Шли три мудреца из Трамтарии,
Распевая капустные арии.

И каждая ария вкусная

Была бесконечно капустная.

И звенела мелодия странная,

Симпатичная, белокочанная:

"Трам-тарарам-тарампам-тарампам!"

Ешьте капусту,

Советуем вам!

Ешьте капусту цветную,

Ешьте капусту морскую,

В море,

В ущелье,

Над бездною

Ешьте капусту полезную!

И при любой передышке

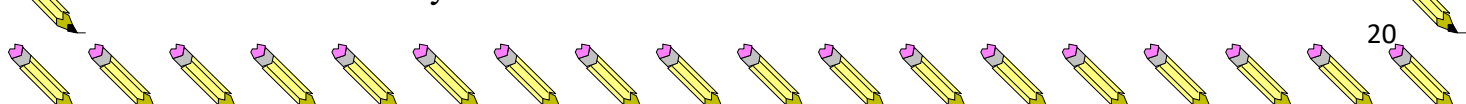
Вспомните о кочерыжке!»

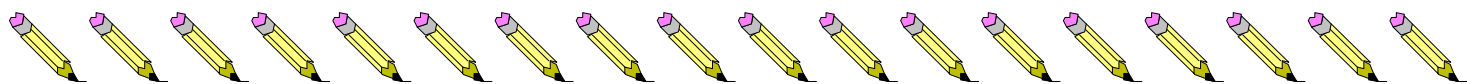
Шли три мудреца из Трамтарии,

Распевая капустные арии.

И каждая ария грустная

Была бесконечно капустная:

«Трам-тарарам-тарара-тарара»

Кислую ешьте капусту

С утра!

В полдень

Советуем щи и солянку,

Можно капустный компот

Спозаранку,

И при любой передышке

Вспомните о кочерыжке!"

Нету на свете

Стихов без конца...

Шли из Трамтарии три мудреца,

Ветер большие деревья качал,

Первый капустный мудрец замолчал,

Рыбка плеснулась

В реке под горой,

И замолчал почему-то

Второй

Третий скапустился

В тихой печали,

И мудрецы

Навсегда замолчали.

Трам-таратам-тратата-таратария -

Что же такое

Капустная ария?

Эти капустные три головы

Нам не сумели ответить,

Увы...

ПРОЗА

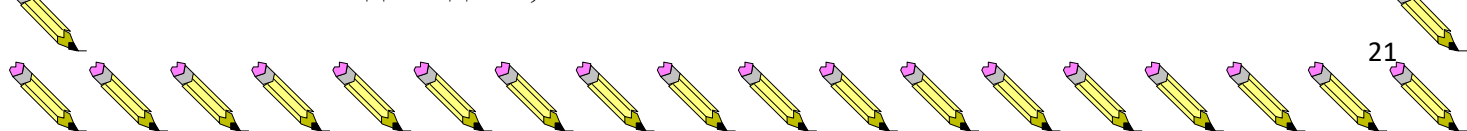
Д. Мамин-Сибиряк. «Медведко»

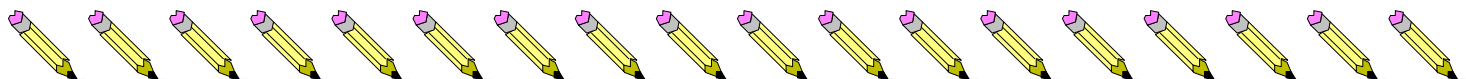
- Барин, хотите вы взять медвежонка? - предлагал мне мой кучер Андрей.

- А где он?

- Да у соседей. Им знакомые охотники подарили. Славный такой медвежонок, всего недель трех. Забавный зверь, одним словом.

- Зачем же соседи отдают, если он славный?

- Кто их знает. Я видел медвежонка: не больше рукавицы. И так смешно переваливает.

Я жил на Урале, в уездном городе. Квартира была большая. Отчего же и не взять медвежонка? В самом деле, зверь забавный. Пусть поживет, а там увидим, что с ним делать.

Сказано - сделано. Андрей отправился к соседям и через полчаса принес крошечного медвежонка, который действительно был не больше его рукавицы, с той разницей, что эта живая рукавица так забавно ходила на своих четырех ногах и еще забавнее тарасила такие милые синие глазенки.

За медвежонком пришла целая толпа уличных ребятишек, так что пришлось затворить ворота. Попав в комнаты, медвежонок нимало не смутился, а напротив, почувствовал себя очень свободно, точно пришел домой. Он спокойно все осмотрел, обошел вокруг стен, все обнюхал, кое-что попробовал своей черной лапкой и, кажется, нашел, что все в порядке.

Мои гимназисты натащили ему молока, булок, сухарей. Медвежонок принимал все как должное и, усевшись в уголке на задние лапы, приготовился закусить. Он делал все с необыкновенной комичной важностью.

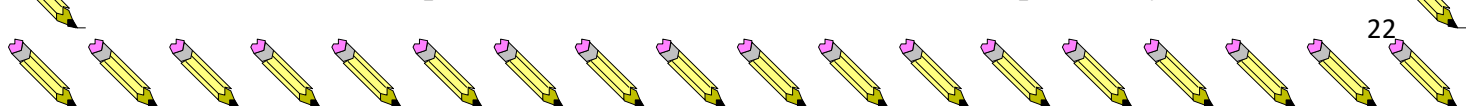
- Медведко, хочешь молочка?
- Медведко, вот сухарики.
- Медведко!..

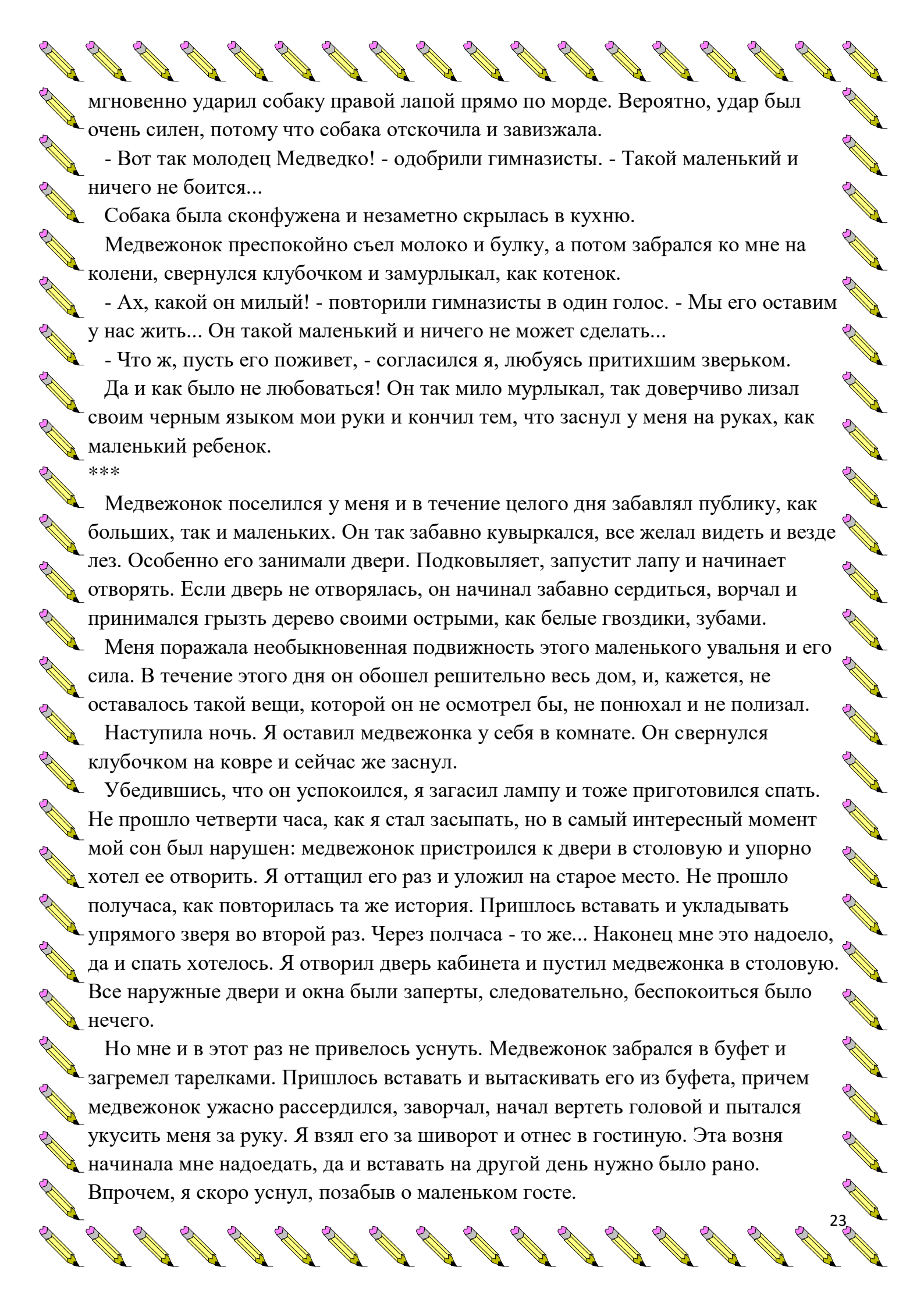
Пока происходила вся эта суета, в комнату незаметно вошла моя охотничья собака, старый рыжий сеттер. Собака сразу почуяла присутствие какого-то неизвестного зверя, вытянулась, ощетинулась, и не успели мы оглянуться, как она уже сделала стойку над маленьким гостем. Нужно было видеть картину: медвежонок забился в уголок, присел на задние лапки и смотрел на медленно подходившую собаку такими злыми глазенками.

Собака была старая, опытная, и поэтому она не бросилась сразу, а долго смотрела с удивлением своими большими глазами на непрошеного гостя, - эти комнаты она считала своими, а тут вдруг забрался неизвестный зверь, засел в угол и смотрит на нее, как ни в чем не бывало.

Я видел, как сеттер начал дрожать от волнения, и приготовился схватить его. Если бы он бросился на малютку медвежонка! Но вышло совсем другое, чего никто не ожидал. Собака посмотрела на меня, точно спрашивая согласия, и подвигалась вперед медленными, рассчитанными шагами. До медвежонка оставалось всего каких-нибудь пол-аршина, но собака не решалась сделать последнего шага, а только еще сильнее вытянулась и сильно потянула в себя воздух: она желала, по собачьей привычке, сначала обнюхать неизвестного врага.

Но именно в этот критический момент маленький гость размахнулся и

мгновенно ударил собаку правой лапой прямо по морде. Вероятно, удар был очень силен, потому что собака отскочила и завизжала.

- Вот так молодец Медведко! - одобрили гимназисты. - Такой маленький и ничего не боится...

Собака была сконфужена и незаметно скрылась в кухню.

Медвежонок преспокойно съел молоко и булку, а потом забрался ко мне на колени, свернулся клубочком и замурлыкал, как котенок.

- Ах, какой он милый! - повторили гимназисты в один голос. - Мы его оставим у нас жить... Он такой маленький и ничего не может сделать...

- Что ж, пусть его поживет, - согласился я, любуясь притихшим зверьком.

Да и как было не любоваться! Он так мило мурлыкал, так доверчиво лизал своим черным языком мои руки и кончил тем, что заснул у меня на руках, как маленький ребенок.

***

Медвежонок поселился у меня и в течение целого дня забавлял публику, как больших, так и маленьких. Он так забавно кувыркался, все желал видеть и везде лез. Особенно его занимали двери. Подковыляет, запустит лапу и начинает отворять. Если дверь не отворялась, он начинал забавно сердиться, ворчал и принимался грызть дерево своими острыми, как белые гвоздики, зубами.

Меня поражала необыкновенная подвижность этого маленького увальня и его сила. В течение этого дня он обошел решительно весь дом, и, кажется, не оставалось такой вещи, которой он не осмотрел бы, не понюхал и не полизал.

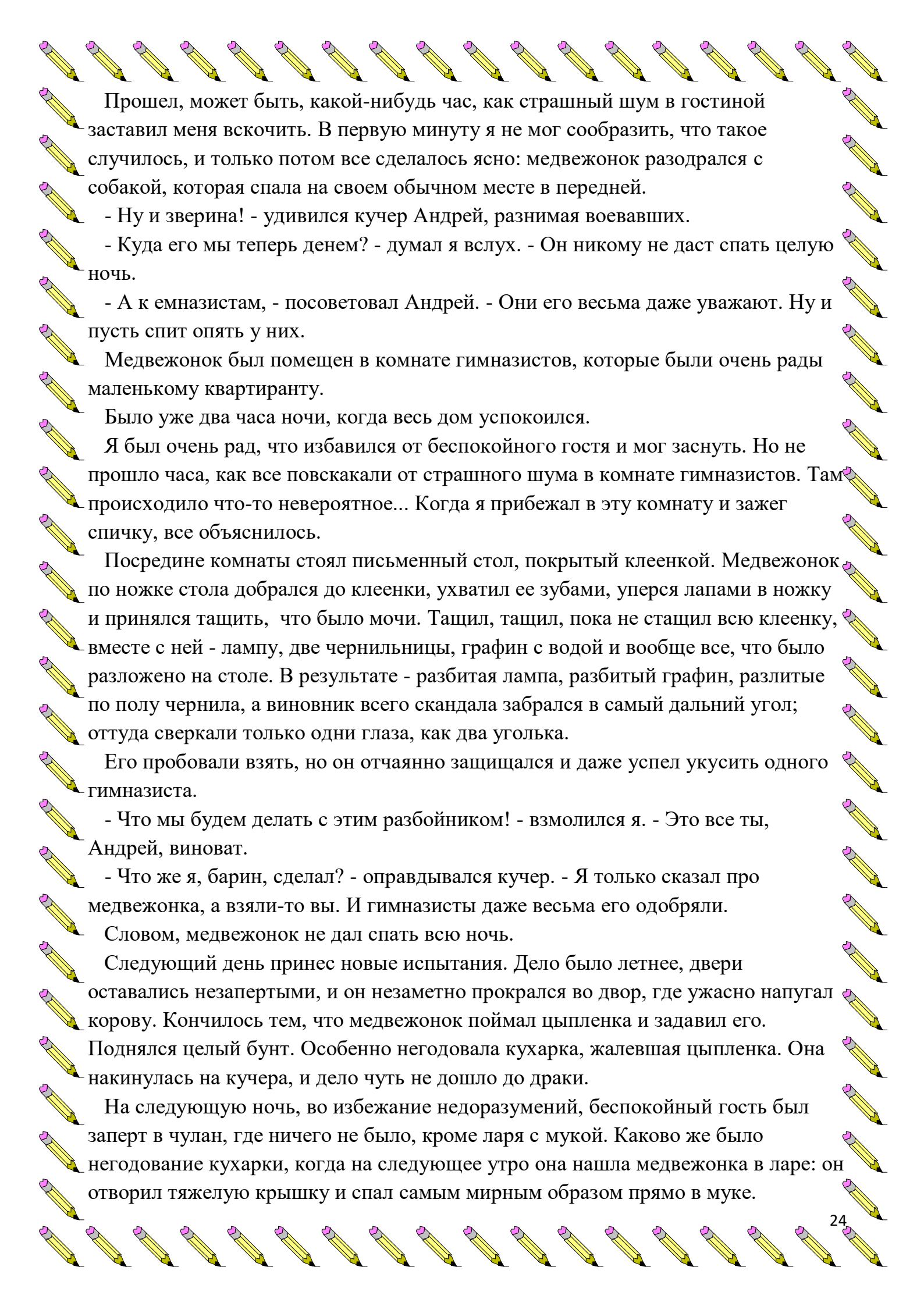
Наступила ночь. Я оставил медвежонка у себя в комнате. Он свернулся клубочком на ковре и сейчас же заснул.

Убедившись, что он успокоился, я загасил лампу и тоже приготовился спать.

Не прошло четверти часа, как я стал засыпать, но в самый интересный момент мой сон был нарушен: медвежонок пристроился к двери в столовую и упорно хотел ее отворить. Я оттащил его раз и уложил на старое место. Не прошло получаса, как повторилась та же история. Пришлось вставать и укладывать упрямого зверя во второй раз. Через полчаса - то же... Наконец мне это надоело, да и спать хотелось. Я отворил дверь кабинета и пустил медвежонка в столовую. Все наружные двери и окна были заперты, следовательно, беспокоиться было нечего.

Но мне и в этот раз не привелось уснуть. Медвежонок забрался в буфет и загремел тарелками. Пришлось вставать и вытаскивать его из буфета, причем медвежонок ужасно рассердился, заворчал, начал вертеть головой и пытался укусить меня за руку. Я взял его за шиворот и отнес в гостиную. Эта возня начинала мне надоедать, да и вставать на другой день нужно было рано.

Впрочем, я скоро уснул, позабыв о маленьком госте.

Прошел, может быть, какой-нибудь час, как страшный шум в гостиной заставил меня вскочить. В первую минуту я не мог сообразить, что такое случилось, и только потом все сделалось ясно: медвежонок разодрался с собакой, которая спала на своем обычном месте в передней.

- Ну и зверина! - удивился кучер Андрей, разнимая воевавших.

- Куда его мы теперь денем? - думал я вслух. - Он никому не даст спать целую ночь.

- А к емназистам, - посоветовал Андрей. - Они его весьма даже уважают. Ну и пусть спит опять у них.

Медвежонок был помещен в комнате гимназистов, которые были очень рады маленькому квартиранту.

Было уже два часа ночи, когда весь дом успокоился.

Я был очень рад, что избавился от беспокойного гостя и мог заснуть. Но не прошло часа, как все повскакали от страшного шума в комнате гимназистов. Там происходило что-то невероятное... Когда я прибежал в эту комнату и зажег спичку, все объяснилось.

Посредине комнаты стоял письменный стол, покрытый клеенкой. Медвежонок по ножке стола добрался до клеенки, ухватил ее зубами, уперся лапами в ножку и принялся тащить, что было мочи. Тащил, тащил, пока не стащил всю клеенку, вместе с ней - лампу, две чернильницы, графин с водой и вообще все, что было разложено на столе. В результате - разбитая лампа, разбитый графин, разлитые по полу чернила, а виновник всего скандала забрался в самый дальний угол; оттуда сверкали только одни глаза, как два уголька.

Его пробовали взять, но он отчаянно защищался и даже успел укусить одного гимназиста.

- Что мы будем делать с этим разбойником! - взмолился я. - Это все ты, Андрей, виноват.

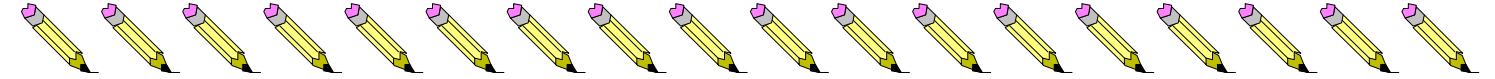
- Что же я, барин, сделал? - оправдывался кучер. - Я только сказал про медвежонка, а взяли-то вы. И гимназисты даже весьма его одобряли.

Словом, медвежонок не дал спать всю ночь.

Следующий день принес новые испытания. Дело было летнее, двери оставались незапертыми, и он незаметно прокрался во двор, где ужасно напугал корову. Кончилось тем, что медвежонок поймал цыпленка и задавил его.

Поднялся целый бунт. Особенно негодовала кухарка, жалевшая цыпленка. Она накинулась на кучера, и дело чуть не дошло до драки.

На следующую ночь, во избежание недоразумений, беспокойный гость был заперт в чулан, где ничего не было, кроме ларя с мукой. Каково же было негодование кухарки, когда на следующее утро она нашла медвежонка в ларе: он отворил тяжелую крышку и спал самым мирным образом прямо в муке.

Огорченная кухарка даже расплакалась и стала требовать расчета.

- Житья нет от поганого зверя, - объясняла она. - Теперь к корове подойти нельзя, цыплят надо запирать... муку бросить... Нет, пожалуйста, барин, расчет.

***

Признаться сказать, я очень раскаивался, что взял медвежонка, и очень был рад, когда нашелся знакомый, который его взял.

- Помилуйте, какой милый зверь! - восхищался он. - Дети будут рады. Для них это настоящий праздник. Право, какой милый.

- Да, милый... - соглашался я.

Мы все вздохнули свободно, когда, наконец, избавились от этого милого зверя и когда весь дом пришел в прежний порядок.

Но наше счастье продолжалось недолго, потому что мой знакомый возвратил медвежонка на другой же день. Милый зверь накуролесил на новом месте еще больше, чем у меня. Забрался в экипаж, заложенный молодой лошадыю, зарычал. Лошадь, конечно, бросилась стремглав и сломала экипаж. Мы попробовали вернуть медвежонка на первое место, откуда его принес мой кучер, но там отказались принять его наотрез.

- Что же мы будем с ним делать? - взмолился я, обращаясь к кучеру. - Я готов даже заплатить, только бы избавиться.

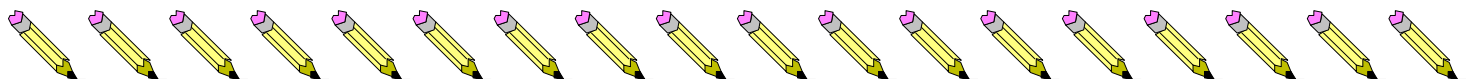
На наше счастье, нашелся какой-то охотник, который взял его с удовольствием.

О дальнейшей судьбе Медведка знаю только то, что он околел месяца через два.

А. Раскин. «Как папа бросил мяч под автомобиль»

Когда папа был еще маленьким и жил в маленьком городе Павлово-Посаде, ему подарили большой мяч удивительной красоты. Этот мяч был как солнце. Нет, он был даже лучше солнца. Во-первых, на него можно было смотреть не щурясь. И он был ровно в четыре раза красивее солнца, потому что он был четырех цветов. А солнце ведь только одного цвета, да и тот трудно разглядеть. Один бок у мяча был розовый, как пастила, другой - коричневый, как самый вкусный шоколад. Верх был синий, как небо, а низ зеленый, как трава. Такого мяча еще никогда не видели в маленьком городе Павлово-Посаде. За ним специально ездили в Москву. Но я думаю, что и в Москве было мало таких мячей. На него приходили смотреть не только дети, но и взрослые.

- Вот это мяч! - говорили все.

И это был действительно прекрасный мяч. И папа очень гордился. Он вел себя так, как будто этот мяч он сам выдумал, сделал и раскрасил в четыре цвета.

Когда папа гордо выходил на улицу играть своим прекрасным мячом, со всех сторон сбегались мальчишки.

- Ой, какой мяч! – говорили они. - Дай поиграть!

Но папа хватал свой мяч и говорил:

- Не дам! Это мой мяч! Ни у кого такого нет! Его привезли из Москвы!

Отойдите! Не трогайте мой мяч!

И тогда мальчишки сказали: - Эх ты, жадина!

Но папа все равно не дал им своего чудесного мяча. Он играл с ним один. А одному играть очень скучно. И жадный папа нарочно играл около мальчишек,

чтобы они ему завидовали.

И тогда мальчишки сказали так: - Он жадный. Не будем с ним водиться!

И два дня они с ним не водились. А на третий день сказали так:

- Мяч у тебя ничего. Это верно. Он большой и раскрашен здорово. Но, если бросить его под машину, он лопнет, как самый плохой черный мячик. Так что нечего так уж задирать нос.

- Мой мяч никогда не лопнет! - гордо сказал папа, который к тому времени так зазнался, как будто его самого выкрасили в четыре цвета.

- Еще как лопнет! – смеялись мальчишки.

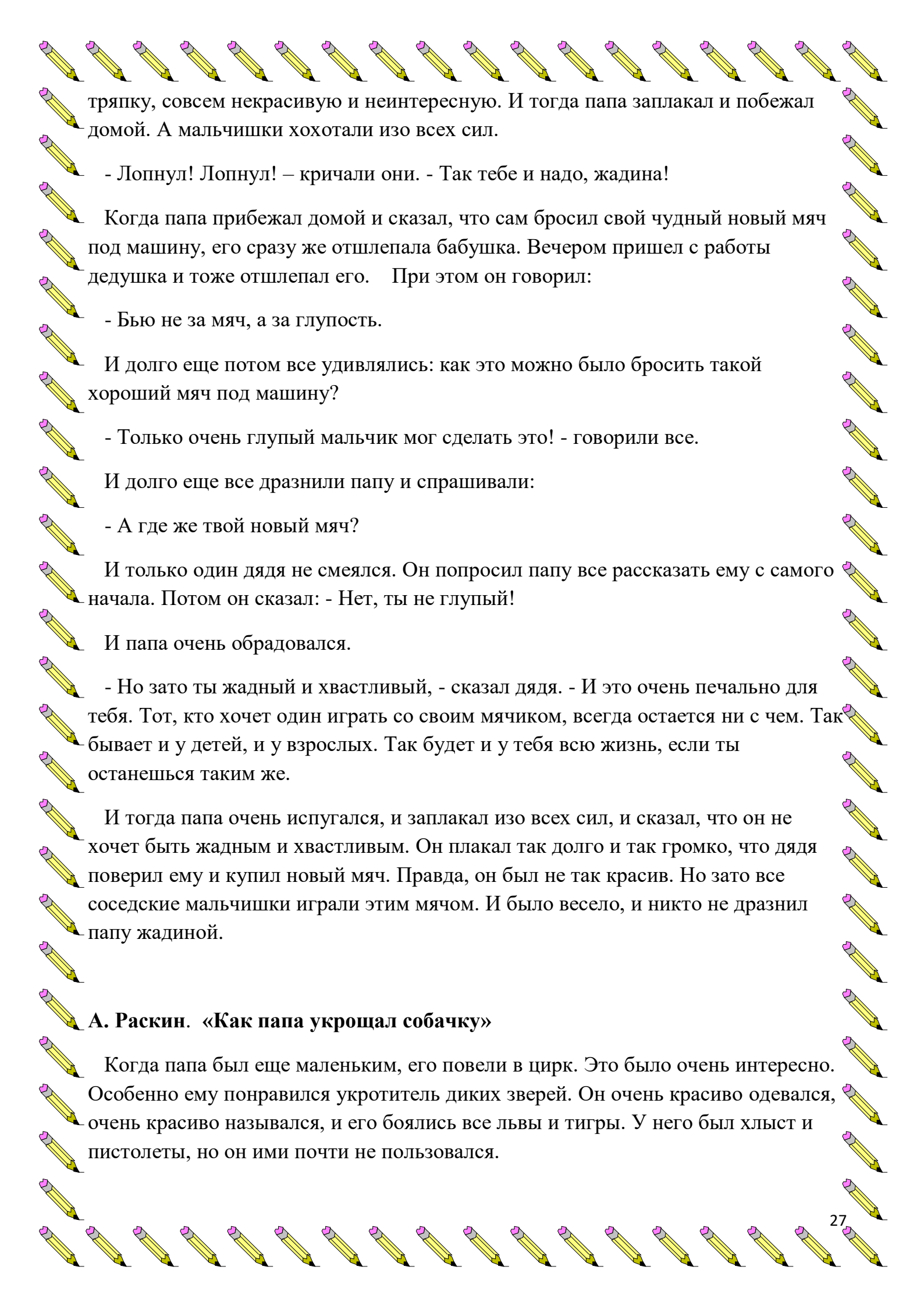
- Нет, не лопнет!

- А вот идет машина, - сказали мальчишки. - Ну, что же ты? Бросай! Или испугался?

И маленький папа бросил свой мяч под машину. На минуту все замерли. Мяч прокатился между передними колесами и угодил под правое заднее колесо.

Машина вся перекосилась, переехала мяч и помчалась дальше. А мяч остался лежать совершенно невредимым.

- Не лопнул! Не лопнул! - закричал папа и побежал к своему мячу. Но тут раздался такой шум, как будто выстрелили из маленькой пушки. Это лопнул мяч. И когда папа добежал до него, он увидел только пыльную резиновую

тряпку, совсем некрасивую и неинтересную. И тогда папа заплакал и побежал домой. А мальчишки хохотали изо всех сил.

- Лопнул! Лопнул! – кричали они. - Так тебе и надо, жадина!

Когда папа прибежал домой и сказал, что сам бросил свой чудный новый мяч под машину, его сразу же отшлепала бабушка. Вечером пришел с работы дедушка и тоже отшлепал его. При этом он говорил:

- Бью не за мяч, а за глупость.

И долго еще потом все удивлялись: как это можно было бросить такой хороший мяч под машину?

- Только очень глупый мальчик мог сделать это! - говорили все.

И долго еще все дразнили папу и спрашивали:

- А где же твой новый мяч?

И только один дядя не смеялся. Он попросил папу все рассказать ему с самого начала. Потом он сказал: - Нет, ты не глупый!

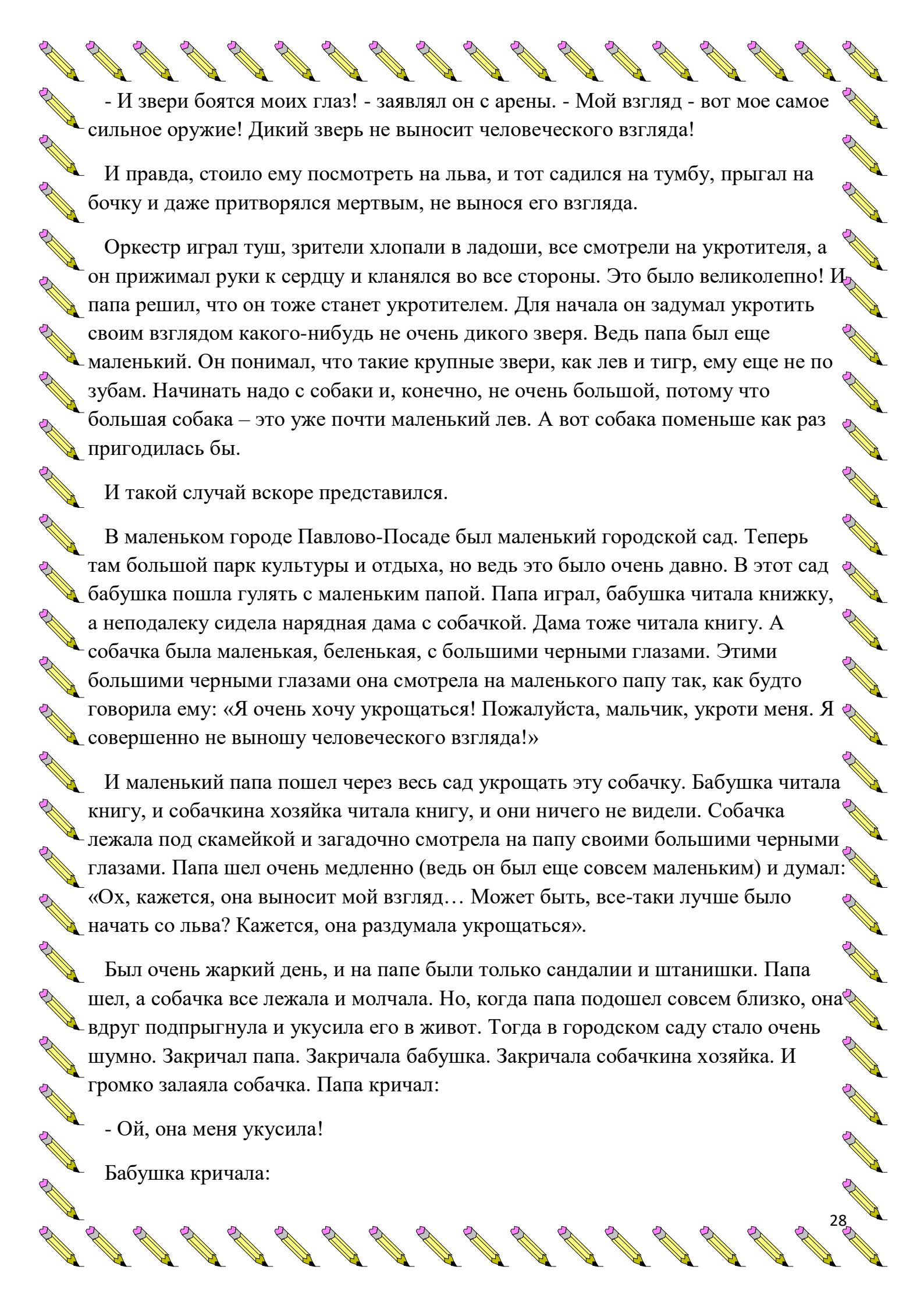
И папа очень обрадовался.

- Но зато ты жадный и хвастливый, - сказал дядя. - И это очень печально для тебя. Тот, кто хочет один играть со своим мячиком, всегда остается ни с чем. Так бывает и у детей, и у взрослых. Так будет и у тебя всю жизнь, если ты останешься таким же.

И тогда папа очень испугался, и заплакал изо всех сил, и сказал, что он не хочет быть жадным и хвастливым. Он плакал так долго и так громко, что дядя поверил ему и купил новый мяч. Правда, он был не так красив. Но зато все соседские мальчишки играли этим мячом. И было весело, и никто не дразнил папу жадиной.

А. Раскин. «Как папа укрощал собачку»

Когда папа был еще маленьким, его повели в цирк. Это было очень интересно. Особенно ему понравился укротитель диких зверей. Он очень красиво одевался, очень красиво назывался, и его боялись все львы и тигры. У него был хлыст и пистолеты, но он ими почти не пользовался.

- И звери боятся моих глаз! - заявлял он с арены. - Мой взгляд - вот мое самое сильное оружие! Дикий зверь не выносит человеческого взгляда!

И правда, стоило ему посмотреть на льва, и тот сидел на тумбу, прыгал на бочку и даже притворялся мертвым, не вынося его взгляда.

Оркестр играл туш, зрители хлопали в ладоши, все смотрели на укротителя, а он прижимал руки к сердцу и кланялся во все стороны. Это было великолепно! И папа решил, что он тоже станет укротителем. Для начала он задумал укротить своим взглядом какого-нибудь не очень дикого зверя. Ведь папа был еще маленький. Он понимал, что такие крупные звери, как лев и тигр, ему еще не по зубам. Начинать надо с собаки и, конечно, не очень большой, потому что большая собака – это уже почти маленький лев. А вот собака поменьше как раз пригодилась бы.

И такой случай вскоре представился.

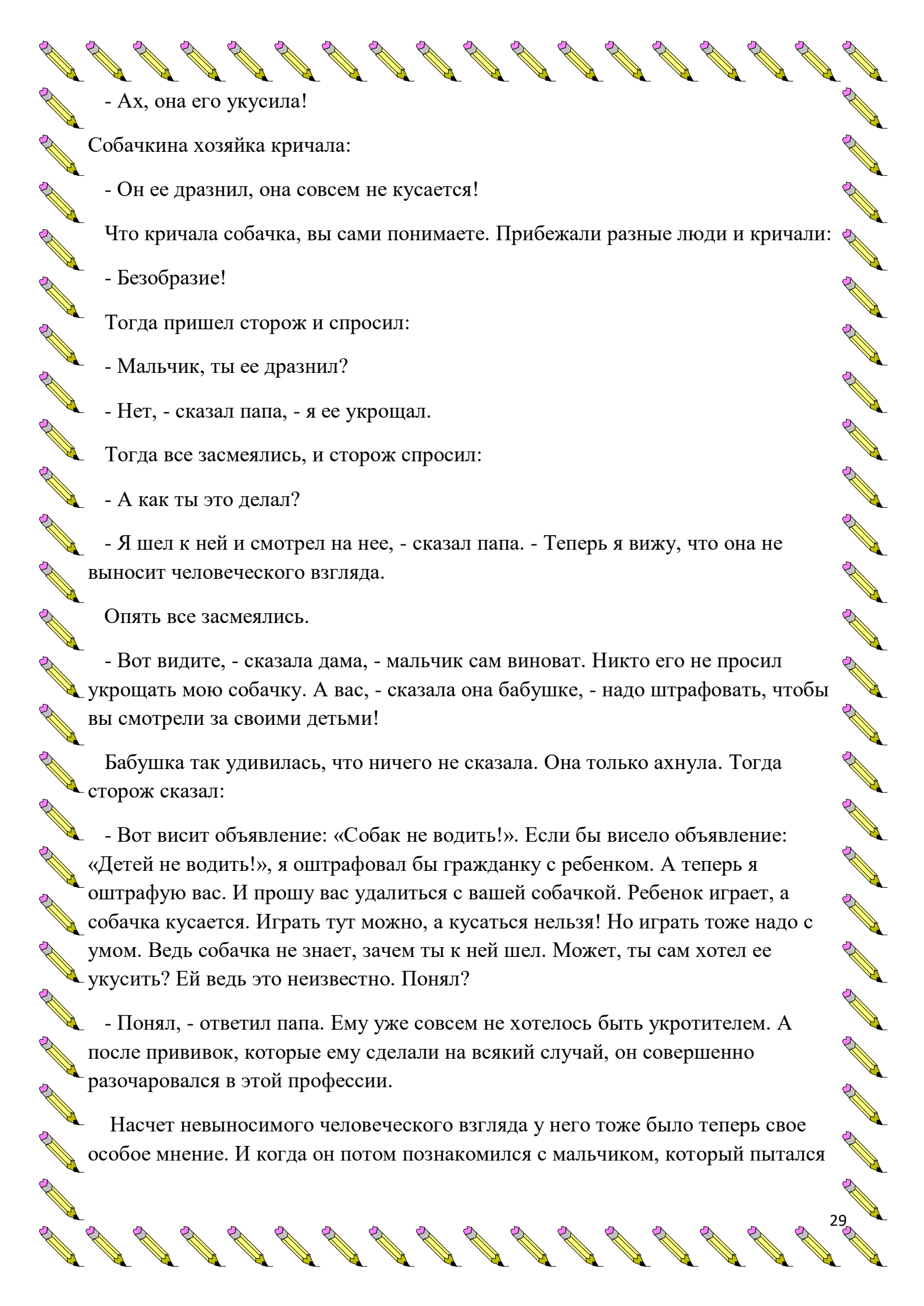
В маленьком городе Павлово-Посаде был маленький городской сад. Теперь там большой парк культуры и отдыха, но ведь это было очень давно. В этот сад бабушка пошла гулять с маленьким папой. Папа играл, бабушка читала книжку, а неподалеку сидела нарядная дама с собачкой. Дама тоже читала книгу. А собачка была маленькая, беленькая, с большими черными глазами. Этими большими черными глазами она смотрела на маленького папу так, как будто говорила ему: «Я очень хочу укрощаться! Пожалуйста, мальчик, укроти меня. Я совершенно не выношу человеческого взгляда!»

И маленький папа пошел через весь сад укрощать эту собачку. Бабушка читала книгу, и собачкина хозяйка читала книгу, и они ничего не видели. Собачка лежала под скамейкой и загадочно смотрела на папу своими большими черными глазами. Папа шел очень медленно (ведь он был еще совсем маленьким) и думал: «Ох, кажется, она выносит мой взгляд... Может быть, все-таки лучше было начать со льва? Кажется, она раздумала укрощаться».

Был очень жаркий день, и на папе были только сандалии и штанишки. Папа шел, а собачка все лежала и молчала. Но, когда папа подошел совсем близко, она вдруг подпрыгнула и укусила его в живот. Тогда в городском саду стало очень шумно. Закричал папа. Закричала бабушка. Закричала собачкина хозяйка. И громко залаяла собачка. Папа кричал:

- Ой, она меня укусила!

Бабушка кричала:

- Ах, она его укусила!

Собачкина хозяйка кричала:

- Он ее дразнил, она совсем не кусается!

Что кричала собачка, вы сами понимаете. Прибежали разные люди и кричали:

- Безобразие!

Тогда пришел сторож и спросил:

- Мальчик, ты ее дразнил?

- Нет, - сказал папа, - я ее укрощал.

Тогда все засмеялись, и сторож спросил:

- А как ты это делал?

- Я шел к ней и смотрел на нее, - сказал папа. - Теперь я вижу, что она не выносит человеческого взгляда.

Опять все засмеялись.

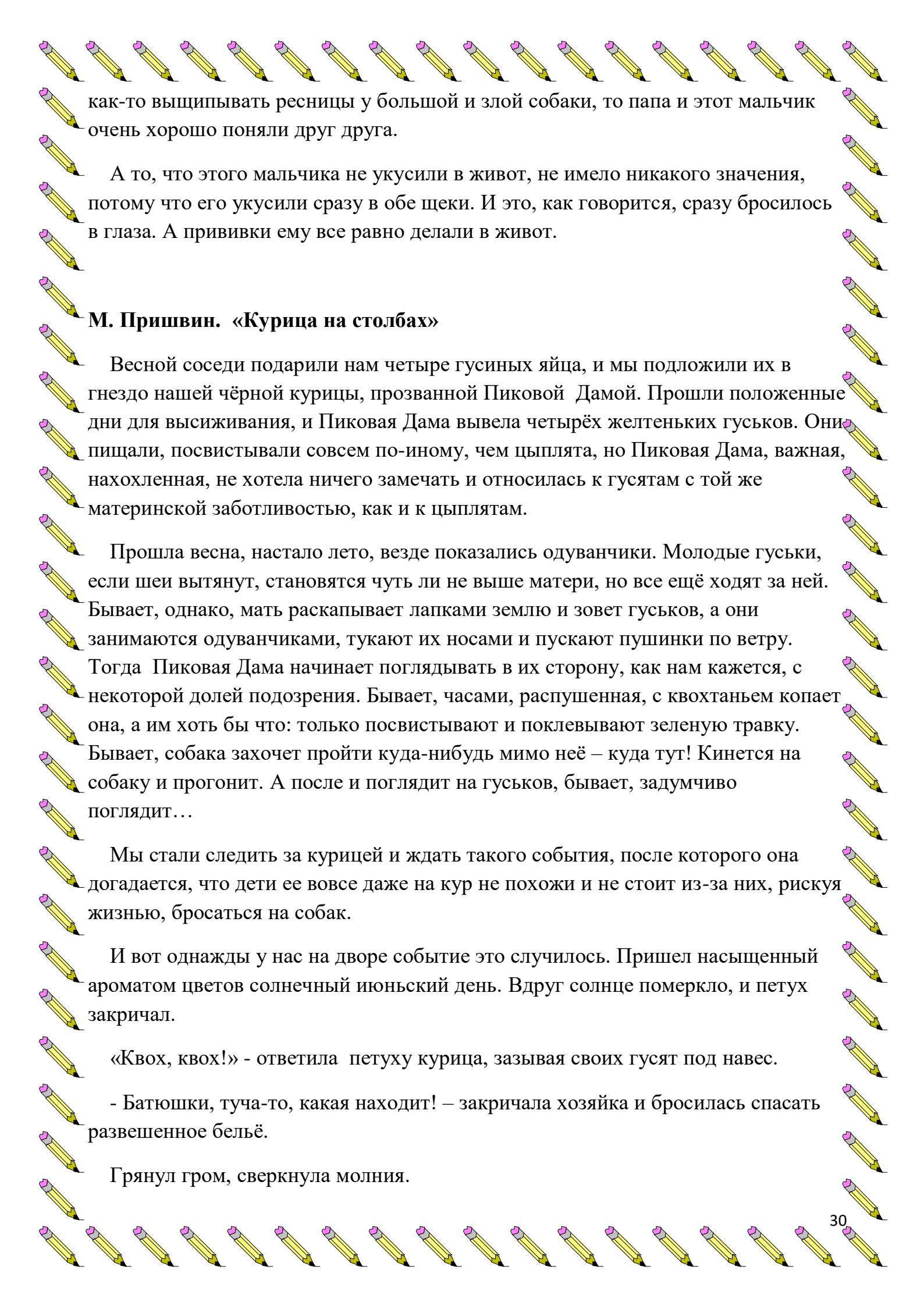
- Вот видите, - сказала дама, - мальчик сам виноват. Никто его не просил укрощать мою собачку. А вас, - сказала она бабушке, - надо штрафовать, чтобы вы смотрели за своими детьми!

Бабушка так удивилась, что ничего не сказала. Она только ахнула. Тогда сторож сказал:

- Вот висит объявление: «Собак не водить!». Если бы висело объявление: «Детей не водить!», я оштрафовал бы гражданку с ребенком. А теперь я оштрафую вас. И прошу вас удалиться с вашей собачкой. Ребенок играет, а собачка кусается. Играть тут можно, а кусаться нельзя! Но играть тоже надо с умом. Ведь собачка не знает, зачем ты к ней шел. Может, ты сам хотел ее укусить? Ей ведь это неизвестно. Понял?

- Понял, - ответил папа. Ему уже совсем не хотелось быть укротителем. А после прививок, которые ему сделали на всякий случай, он совершенно разочаровался в этой профессии.

Насчет невыносимого человеческого взгляда у него тоже было теперь свое особое мнение. И когда он потом познакомился с мальчиком, который пытался

как-то выщипывать ресницы у большой и злой собаки, то папа и этот мальчик очень хорошо поняли друг друга.

А то, что этого мальчика не укусили в живот, не имело никакого значения, потому что его укусили сразу в обе щеки. И это, как говорится, сразу бросилось в глаза. А прививки ему все равно делали в живот.

М. Пришвин. «Курица на столбах»

Весной соседи подарили нам четыре гусиных яйца, и мы подложили их в гнездо нашей чёрной курицы, прозванной Пиковой Дамой. Прошли положенные дни для высиживания, и Пиковая Дама вывела четырёх желтеньких гуськов. Они пищали, посвистывали совсем по-иному, чем цыплята, но Пиковая Дама, важная, нахохленная, не хотела ничего замечать и относилась к гуськам с той же материнской заботливостью, как и к цыплятам.

Прошла весна, настало лето, везде показались одуванчики. Молодые гуськи, если шеи вытянут, становятся чуть ли не выше матери, но все ещё ходят за ней. Бывает, однако, мать раскапывает лапками землю и зовет гуськов, а они занимаются одуванчиками, тукают их носами и пускают пушинки по ветру. Тогда Пиковая Дама начинает поглядывать в их сторону, как нам кажется, с некоторой долей подозрения. Бывает, часами, распушенная, с квохтаньем копает она, а им хоть бы что: только посвистывают и поклевывают зеленую травку. Бывает, собака захочет пройти куда-нибудь мимо неё – куда тут! Кинется на собаку и прогонит. А после и поглядит на гуськов, бывает, задумчиво поглядит...

Мы стали следить за курицей и ждать такого события, после которого она догадается, что дети ее вовсе даже на кур не похожи и не стоит из-за них, рискуя жизнью, бросаться на собак.

И вот однажды у нас на дворе событие это случилось. Пришел насыщенный ароматом цветов солнечный июньский день. Вдруг солнце померкло, и петух закричал.

«Квох, квох!» - ответила петуху курица, зазывая своих гусят под навес.

- Батюшки, туча-то, какая находит! – закричала хозяйка и бросилась спасать развешенное бельё.

Грянул гром, сверкнула молния.

«Квох, квох!» - настаивала курица Пиковая Дама.

И молодые гуси, подняв высоко шеи свои, как четыре столба, пошли за курицей под навес. Удивительно нам было смотреть, как по приказанию курицы четыре высоких, как сама курица, гусенка сложились в маленькие штучки, подлезли под наседку и она, распушив перья, распластав крылья над ними, укрыла их и угрела своим материнским теплом.

Но гроза была недолгая.

Туча пролилась, ушла, и солнце снова засияло над нашим маленьким садом. Когда с крыш перестало литься и запели разные птички, это услышали гусята под курицей, и им, молодым, конечно, захотелось на волю.

«На волю, на волю!» - засвистели они.

«Квох, квох!» - ответила курица.

И это значило:

«Посидите немного, еще очень свежо».

«Вот еще!» - свистели гусята. – На волю, на волю!»

И вдруг поднялись на ногах и подняли шеи, и курица поднялась, как на четырех столбах, и закачалась в воздухе высоко от земли.

Вот с этого разу все и кончилось у Пиковой Дамы с гусятами: она стала ходить отдельно, гуси отдельно; видно, тут только она все поняла, и во второй раз ей уже не захотелось попасть на столбы.

Ю. Коваль. «Выстрел»

Школа у нас маленькая.

В ней всего-то одна комната. Зато в этой комнате четыре класса.

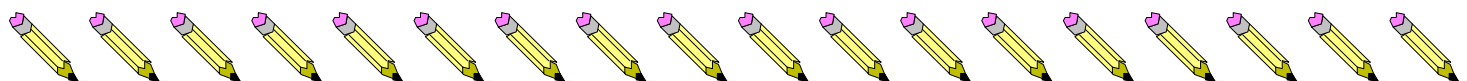
В первом - одна ученица, Нюра Зуева.

Во втором - опять один ученик, Федюша Миронов.

В третьем - два брата Моховы.

А в четвертом - никого нет. На будущий год братья Моховы будут.

Всего, значит, в школе сколько? Четыре человека. С учителем Алексей Степанычем - пять.

- Набралось-таки народу, сказала Нюрка, когда научилась считать.

- Да, народу немало, - ответил Алексей Степаныч. - И завтра после уроков весь этот народ пойдет на картошку. Того гляди, ударят холода, а картошка у колхоза невыкопанная.

- А как же кролики? - спросил Федюша Миронов.

- Дежурной за кроликами оставим Нюру.

Кроликов в школе было немало. Их было больше ста, а именно - сто четыре.

- Ну, наплодились... - сказала Нюрка на следующий день, когда все ушли на картошку.

Кролики сидели в деревянных ящиках, а ящики стояли вокруг школы, между яблонями. Даже казалось, что это стоят ульи. Но это были не пчелы.

Но почему-то казалось, что они жужжат!

Но это, конечно, жужжали не кролики. Это за забором мальчик Витя жужжал на специальной палочке.

Дежурить Нюрке было нетрудно.

Вначале Нюрка дала кроликам всякой ботвы и веток. Они жевали, шевелили ушами, подмигивали ей: мол, давай-давай, наваливай побольше ботвы.

Потом Нюрка выметала клетки. Кролики пугались веника, порхали от него.

Крольчат Нюрка выпустила на траву, в загон, огороженный сеткой.

Дело было сделано. Теперь надо было только следить, чтобы все было в порядке.

Нюрка прошлась по школьному двору - все было в порядке. Она зашла в чулан и достала сторожевое ружье.

«На всякий случай, - думала она. - Может быть, ястреб налетит».

Но ястреб не налетал. Он кружил вдалеке, высматривая цыплят.

Нюрке стало скучно. Она залезла на забор и поглядела в поле. Далеко, на картофельном поле, были видны люди. Изредка приезжал грузовик, нагружался картошкой и снова уезжал.

Нюрка сидела на заборе, когда подошел Витя, тот самый, что жужжал на специальной палочке.

- Перестань жужжать, - сказала Нюрка.

Витя перестал.

- Видишь это ружье?

Витя приложил к глазам кулаки, пригляделся, как бы в бинокль, и сказал:

- Вижу, матушка.

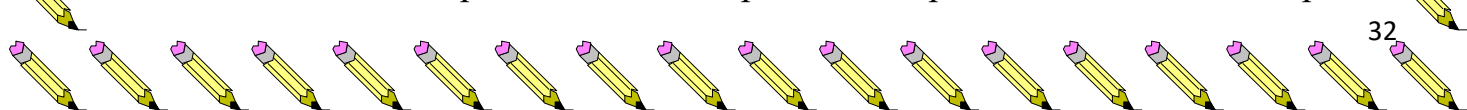
- Знаешь, как тут на чего нажимать?

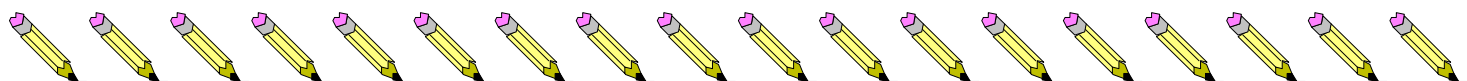
Витя кивнул.

- То-то же, - сказала Нюрка строго, - изучай военное дело!

Она еще посидела на заборе. Витя стоял неподалеку, желая пожужжать.

- Вот что, - сказала Нюрка. - Садись на крыльцо, сторожи. Если налетит ястреб,

кричи изо всех сил, зови меня. А я сбегаю за ботвой для кроликов.

Витя сел на крыльцо, а Нюрка убрала в чулан ружье, достала порожний мешок и побежала в поле.

На краю поля лежала картошка - в мешках и отдельными кучами. Особый, сильно розовый сорт. В стороне была сложена гора из картофельной ботвы.

Набив ботвой мешок и набрав картошки, Нюрка пригляделась: далеко ли ребята?

Они были далеко, даже не разобрать, где Федюша Миронов, а где братья Моховы.

«Добежать, что ль, до них?» - подумала Нюрка.

В этот момент ударил выстрел.

Нюрка мчалась обратно. Страшная картина представлялась ей: Витя лежит на крыльце весь убитый.

Мешок с ботвой подпрыгивал у Нюрки на спине, картофелина вылетела из ведра, хлопнулась в пыль, завертелась, как маленькая бомба.

Нюрка вбежала на школьный двор и услышала жужжание. Ружье лежало на ступеньках, а Витя сидел и жужжал на своей палочке. Интересная все-таки это была палочка. На конце - сургучная блямба, на ней петлею затянут конский

волос, к которому привязана глиняная чашечка. Витя помахивал палочкой - конский волос терся о сургуч: жжу...

- Кто стрелял? - крикнула Нюрка.

Но даже и нечего было кричать. Ясно было, кто стрелял, - пороховое облако еще висело в бузине.

- Ну, погоди! Вернутся братья Моховы! Будешь знать, как с ружьем баловать!..

Перестань жужжать!

Витя перестал.

- Куда пальнул-то? По Мишукиной козе?

- По ястребу.

- Ври-ври! Ястреб над птичником кружит.

Нюрка поглядела в небо, но ястреба не увидела.

- Он в крапиве лежит.

Ястреб лежал в крапиве. Крылья его были изломаны и раскинуты в стороны. В пепельных перьях были видны дырки от дроби.

Глядя на ястреба, Нюрка не верила, что это Витя его. Она подумала: может быть, кто-нибудь из взрослых зашел на школьный двор. Да нет, все взрослые были на картошке.

Да, видно, ястреб просчитался.

Как ушла Нюрка, он сразу полетел за крольчатами, а про Витю подумал: мал, дескать. И вот теперь - бряк! - валялся в крапиве.

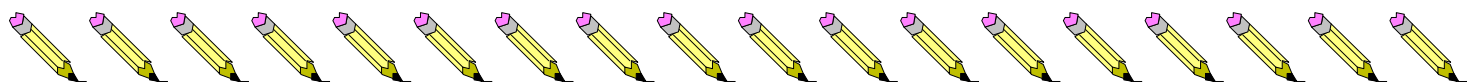
С поля прибежали ребята. Они завопили от восторга, что такой маленький Витя

кричи изо всех сил, зови меня. А я сбегаю за ботвой для кроликов.

Витя сел на крыльцо, а Нюрка убрала в чулан ружье, достала порожний мешок и побежала в поле.

На краю поля лежала картошка - в мешках и отдельными кучами. Особый, сильно розовый сорт. В стороне была сложена гора из картофельной ботвы.

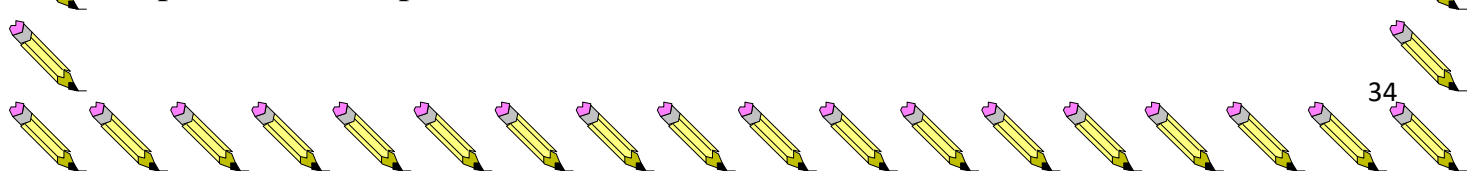
Набив ботвой мешок и набрав картошки, Нюрка пригляделась: далеко ли ребята?

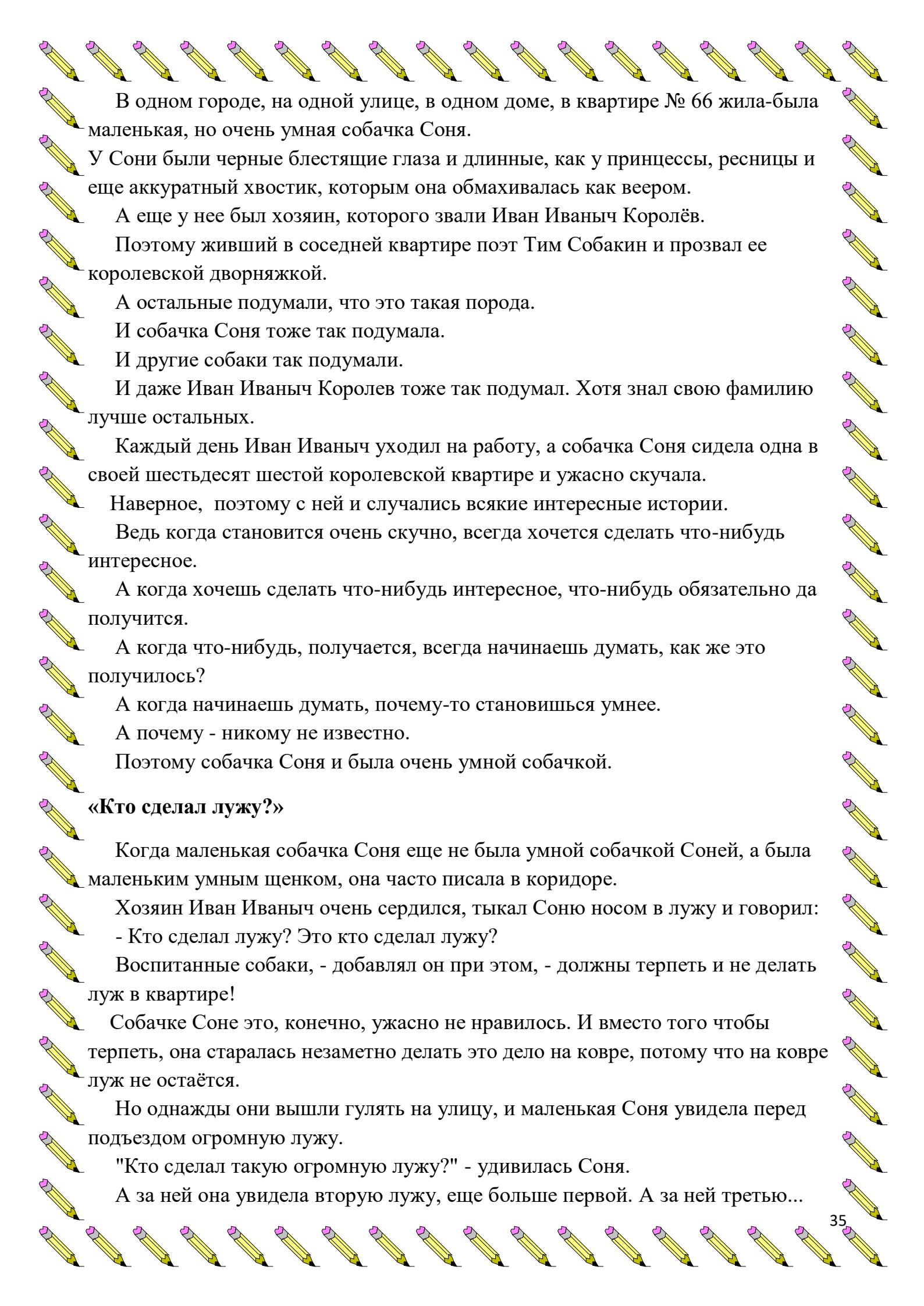

убил ястреба.
- Он будет космонавтом! - кричали братья Моховы и хлопали Витю по спине.
А Федюша Миронов изо всей силы гладил его по голове и просто кричал:
- Молодец! Молодец!
- А мне ястреба жалко, — сказала Нюрка.
- Да ты что! Сколько он у нас кроликов потаскал!
- Все равно жалко. Такой красивый был!
Тут все на Нюрку накинулись.
- А кого тебе больше жалко, - спросил Федюша Миронов, - ястреба или кроликов?
- И тех и других.
- Вот дуреха-то! Кроликов-то жалче! Они ведь махонькие. Скажи ей, Витька. Чего ж ты молчишь?
Витя сидел на крыльце и молчал.
И вдруг все увидели, что он плачет. Слезы у него текут, и он совсем еще маленький. От силы ему шесть лет.
- Не реви, Витька! - закричали братья Моховы. - Ну, Нюрка!
- Пускай ревет, - сказала Нюрка. - Убил птицу - пускай ревет.
- Нюрка! Нюрка! Имей совесть! Тебя же поставили сторожить. Сама должна была убить ястреба.
- Я бы не стала убивать. Я бы просто шуганула его, он бы улетел.
Нюрка стала растапливать печку, которая стояла в саду. Поставила на нее чугунок с картошкой.
Пока варилась картошка, ребята все ругались с ней, а Витя плакал.
- Вот что, Нюрка, - под конец сказал Федюша Миронов, - Витька к ястребу не лез. Ястреб напал - Витька защищался. А в сторону такой парень стрелять не станет!
Это были справедливые слова.
Но Нюрка ничего не ответила.
Она надулась и молча вывалила картошку из чугуна прямо на траву.

ЛИТЕРАТУРНЫЕ СКАЗКИ

А. Усачев. «Про умную собачку Соню» (главы).
«Королевская дворняжка»

В одном городе, на одной улице, в одном доме, в квартире № 66 жила-была маленькая, но очень умная собачка Соня.

У Сони были черные блестящие глаза и длинные, как у принцессы, ресницы и еще аккуратный хвостик, которым она обмахивалась как веером.

А еще у нее был хозяин, которого звали Иван Иванович Королёв.

Поэтому живший в соседней квартире поэт Тим Собакин и прозвал ее королевской дворняжкой.

А остальные подумали, что это такая порода.

И собачка Соня тоже так подумала.

И другие собаки так подумали.

И даже Иван Иванович Королёв тоже так подумал. Хотя знал свою фамилию лучше остальных.

Каждый день Иван Иванович уходил на работу, а собачка Соня сидела одна в своей шестьдесят шестой королевской квартире и ужасно скучала.

Наверное, поэтому с ней и случались всякие интересные истории.

Ведь когда становится очень скучно, всегда хочется сделать что-нибудь интересное.

А когда хочешь сделать что-нибудь интересное, что-нибудь обязательно да получится.

А когда что-нибудь, получается, всегда начинаешь думать, как же это получилось?

А когда начинаешь думать, почему-то становишься умнее.

А почему - никому не известно.

Поэтому собачка Соня и была очень умной собачкой.

«Кто сделал лужу?»

Когда маленькая собачка Соня еще не была умной собачкой Соней, а была маленьким умным щенком, она часто писала в коридоре.

Хозяин Иван Иванович очень сердился, тыкал Сонию носом в лужу и говорил: - Кто сделал лужу? Это кто сделал лужу?

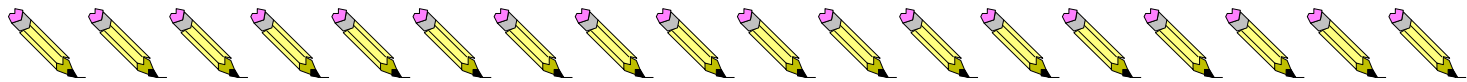
Воспитанные собаки, - добавлял он при этом, - должны терпеть и не делать луж в квартире!

Собачке Соне это, конечно, ужасно не нравилось. И вместо того чтобы терпеть, она старалась незаметно делать это дело на ковре, потому что на ковре луж не остаётся.

Но однажды они вышли гулять на улицу, и маленькая Соня увидела перед подъездом огромную лужу.

"Кто сделал такую огромную лужу?" - удивилась Соня.

А за ней она увидела вторую лужу, еще больше первой. А за ней третью...

"Это, наверное, слон! - догадалась умная собачка Соня. - Сколько же он терпел!" - подумала она с уважением...

И с тех пор перестала писать в квартире.

«Здравствуйте, спасибо и до свидания!»

Как-то на лестнице маленькую собачку Соню остановила пожилая незнакомая

такса.

- Все воспитанные собачки, - строго сказала такса, - при встрече должны

здороваться. Здороваться - это значит говорить "здравствуйте", "привет" или

"добрый день" - и вилять хвостиком!

- Здравствуйте! - сказала Соня, которой, конечно, очень хотелось быть

воспитанной собачкой, и, вильнув хвостиком, побежала дальше.

Но не успела она добежать и до середины таксы, оказавшейся невероятно

длинной, как её снова окликнули.

- Все воспитанные собачки, - произнесла такса, - должны быть вежливыми и,

если им дают косточку, конфетку или полезный совет, говорить "спасибо"!

- Спасибо! - сказала Соня, которой, конечно же, очень хотелось быть

вежливой и воспитанной собачкой, и побежала дальше.

Но только она добежала до таксиного хвоста, как сзади послышалось:

- Все воспитанные собачки должны знать правила хорошего тона и при

прощании говорить "до свидания"!

- До свидания! - крикнула Соня и, довольная тем, что знает теперь правила

хорошего тона, бросилась догонять хозяина.

С этого дня собачка Соня стала ужасно вежливой и, пробегая мимо

незнакомых собак, всегда говорила:

- Здравствуйте, спасибо и до свидания!

Жаль, что собаки ей попадались самые обыкновенные. И многие кончались

раньше, чем она успевала всё сказать.

«Что лучше»

Собачка Соня сидела возле детской площадки и думала, что лучше - быть

большой или маленькой?..

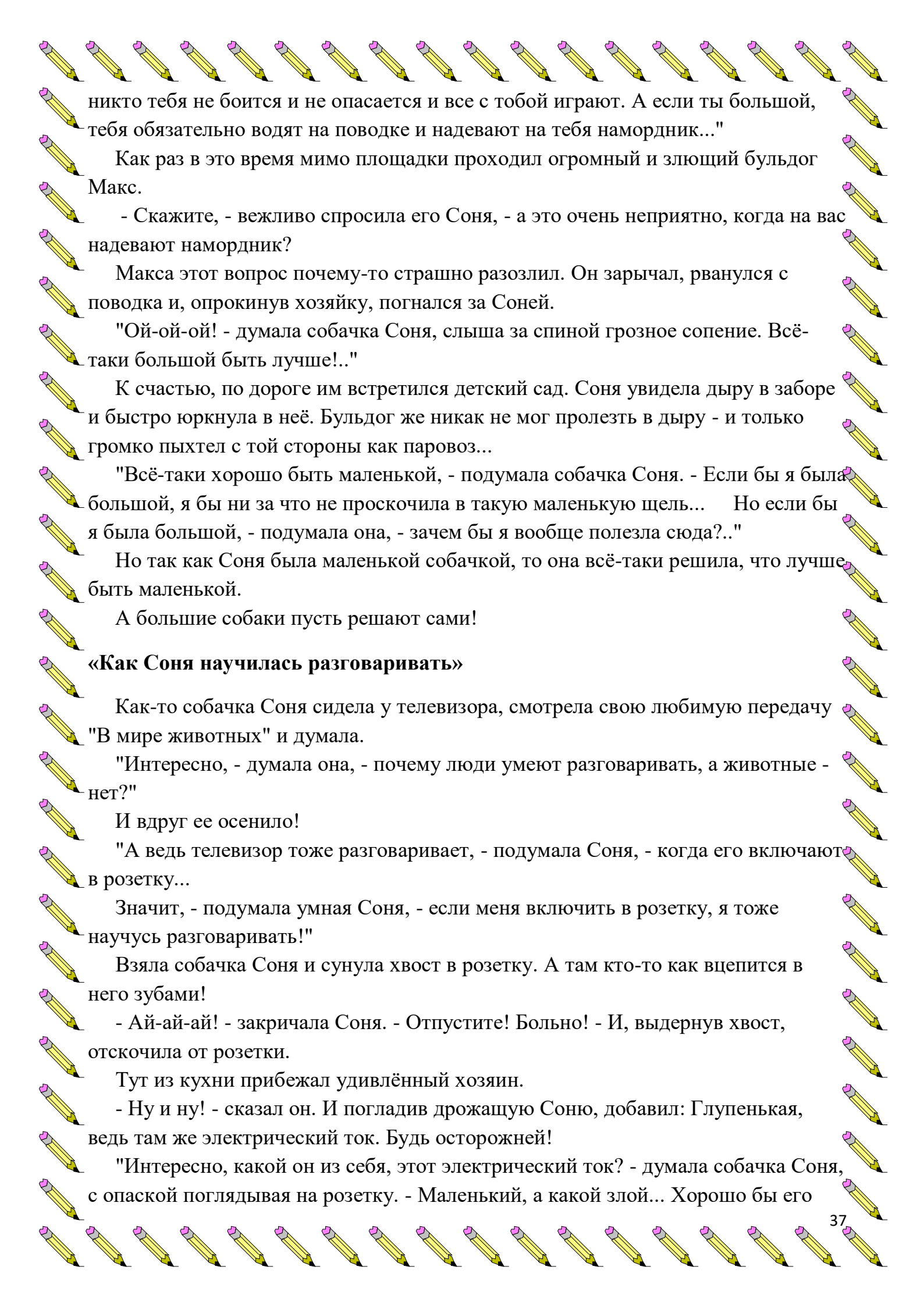
"С одной стороны, - думала собачка Соня, - большой быть значительно

лучше: и кошки тебя боятся, и собаки тебя боятся, и даже прохожие тебя

опасаются...

Но с другой стороны, - думала Соня, - маленькой тоже быть лучше, потому что

никто тебя не боится и не опасается и все с тобой играют. А если ты большой, тебя обязательно водят на поводке и надевают на тебя намордник..."

Как раз в это время мимо площадки проходил огромный и злой бульдог Макс.

- Скажите, - вежливо спросила его Соня, - а это очень неприятно, когда на вас надевают намордник?

Макса этот вопрос почему-то страшно разозлил. Он зарычал, рванулся с поводка и, опрокинув хозяйку, погнался за Соней.

"Ой-ой-ой! - думала собачка Соня, слыша за спиной грозное сопение. Всё-таки большой быть лучше!.."

К счастью, по дороге им встретился детский сад. Соня увидела дыру в заборе и быстро юркнула в неё. Бульдог же никак не мог пролезть в дыру - и только громко пыхтел с той стороны как паровоз...

"Всё-таки хорошо быть маленькой, - подумала собачка Соня. - Если бы я была большой, я бы ни за что не проскочила в такую маленькую щель... Но если бы я была большой, - подумала она, - зачем бы я вообще полезла сюда?.."

Но так как Соня была маленькой собачкой, то она всё-таки решила, что лучше быть маленькой.

А большие собаки пусть решают сами!

«Как Соня научилась разговаривать»

Как-то собачка Соня сидела у телевизора, смотрела свою любимую передачу "В мире животных" и думала.

"Интересно, - думала она, - почему люди умеют разговаривать, а животные - нет?"

И вдруг ее осенило!

"А ведь телевизор тоже разговаривает, - подумала Соня, - когда его включают в розетку..."

Значит, - подумала умная Соня, - если меня включить в розетку, я тоже научусь разговаривать!"

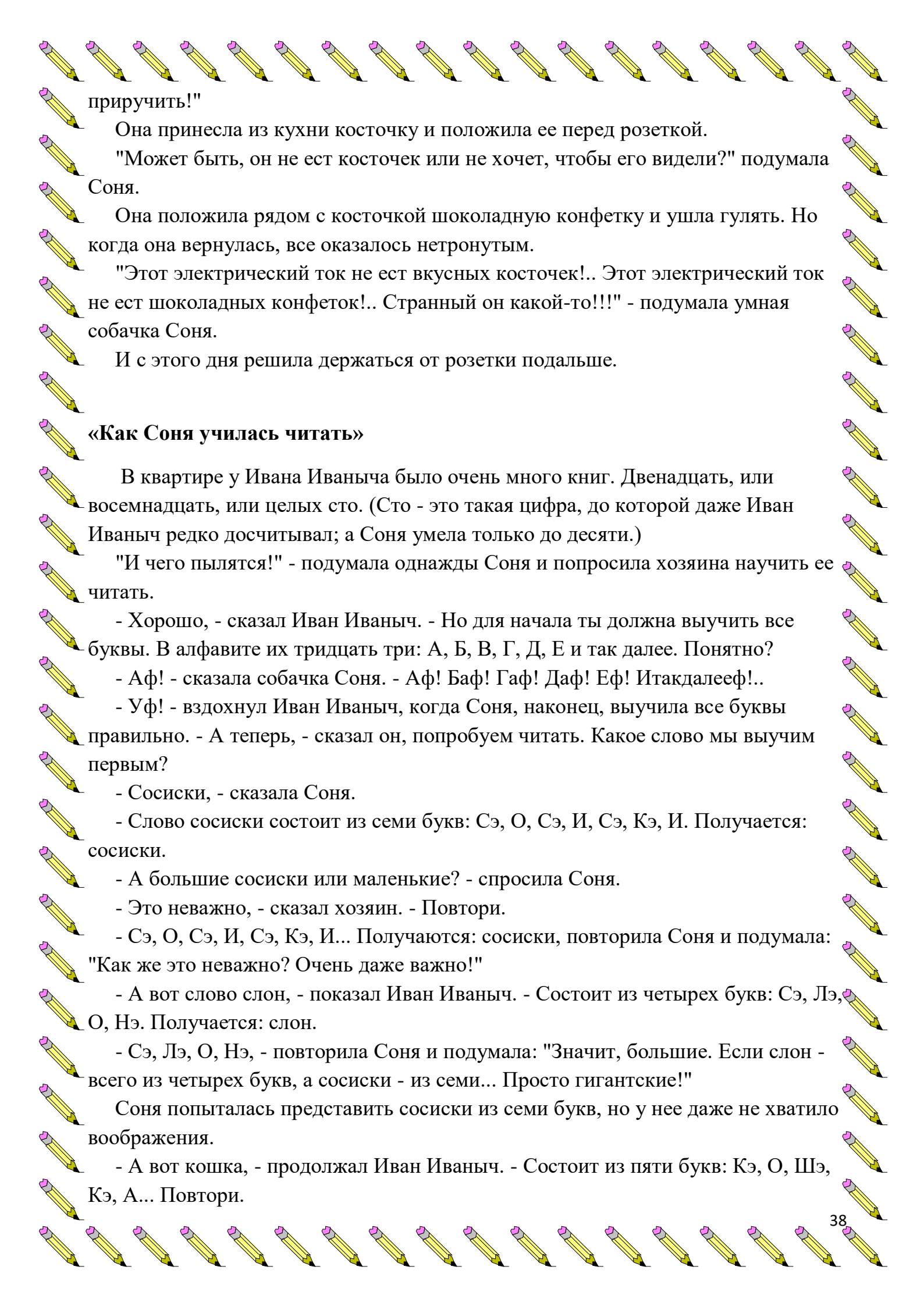
Взяла собачка Соня и сунула хвост в розетку. А там кто-то как вцепится в него зубами!

- Ай-ай-ай! - закричала Соня. - Отпустите! Больно! - И, выдернув хвост, отскочила от розетки.

Тут из кухни прибежал удивлённый хозяин.

- Ну и ну! - сказал он. И погладив дрожащую Соню, добавил: Глупенькая, ведь там же электрический ток. Будь осторожней!

"Интересно, какой он из себя, этот электрический ток? - думала собачка Соня, с опаской поглядывая на розетку. - Маленький, а какой злой... Хорошо бы его

приручить!"

Она принесла из кухни косточку и положила ее перед розеткой.

"Может быть, он не ест косточек или не хочет, чтобы его видели?" подумала Соня.

Она положила рядом с косточкой шоколадную конфетку и ушла гулять. Но когда она вернулась, все оказалось нетронутым.

"Этот электрический ток не ест вкусных косточек!.. Этот электрический ток не ест шоколадных конфеток!.. Странный он какой-то!!!" - подумала умная собачка Соня.

И с этого дня решила держаться от розетки подальше.

«Как Соня училась читать»

В квартире у Ивана Ивановича было очень много книг. Двенадцать, или восемнадцать, или целых сто. (Сто - это такая цифра, до которой даже Иван Иванович редко досчитывал; а Соня умела только до десяти.)

"И чего пылятся!" - подумала однажды Соня и попросила хозяина научить ее читать.

- Хорошо, - сказал Иван Иванович. - Но для начала ты должна выучить все буквы. В алфавите их тридцать три: А, Б, В, Г, Д, Е и так далее. Понятно?

- Аф! - сказала собачка Соня. - Аф! Баф! Гаф! Даф! Еф! И так далееф!..

- Уф! - вздохнул Иван Иванович, когда Соня, наконец, выучила все буквы правильно. - А теперь, - сказал он, попробуем читать. Какое слово мы выучим первым?

- Сосиски, - сказала Соня.

- Слово сосиски состоит из семи букв: Сэ, О, Сэ, И, Сэ, Кэ, И. Получается: сосиски.

- А большие сосиски или маленькие? - спросила Соня.

- Это неважно, - сказал хозяин. - Повтори.

- Сэ, О, Сэ, И, Сэ, Кэ, И... Получаются: сосиски, повторила Соня и подумала: "Как же это неважно? Очень даже важно!"

- А вот слово слон, - показал Иван Иванович. - Состоит из четырех букв: Сэ, Лэ, О, Нэ. Получается: слон.

- Сэ, Лэ, О, Нэ, - повторила Соня и подумала: "Значит, большие. Если слон - всего из четырех букв, а сосиски - из семи... Просто гигантские!"

Соня попыталась представить сосиски из семи букв, но у нее даже не хватило воображения.

- А вот кошка, - продолжал Иван Иванович. - Состоит из пяти букв: Кэ, О, Шэ, Кэ, А... Повтори.

- Глупость какая! - возмутилась собачка Соня. - Где же это видано, чтобы кошка была больше слона!

- Не кошка больше слона, а слово кошка больше слова слон, - объяснил хозяин.

- Значит, это неправильные слова, - сказала Соня. - Если в кошке пять букв, то в слоне должно быть, по крайней мере, пятьдесят пять!

- Это как же? - удивился Иван Иванович.

- А так, - сказала Соня. - Сло-сло-сло-сло-сло-сло-сло-сло -...

- Хватит! - испуганно закричал Иван Иванович.

Хотя слова и были неправильными, вскоре Соня научилась читать их вполне правильно.

Кроме одного слова. Кошка.

Соня читала вместо этого: Аф! Аф! Аф!

Б. Поттер. «Сказка про Джемайму Нырнвлужу»

Странное это, доложу я вам, зрелище, когда вдруг увидишь курицу с выводком утят!

Вот лучше вы послушайте про Джемайму-утку по фамилии Нырнвлужу, которую ужасно сердило, что фермерская жена не позволяла ей самой высидывать утят.

Хотя её золовка (что значит, как тебе, наверно, известно, жена брата) миссис Ребекка Нырнвлужу и говаривала ей:

Ах, да пусть их высидывает, кто хочет! У меня не хватит терпения просидеть на гнезде двадцать восемь дней. И у тебя не хватит, Джемайма! Поверь мне, ты этих невылупившихся птенцов непременно простудишь!

- Нет, - упрячилась Джемайма. - Я хочу сама вывести утят. И выведу!

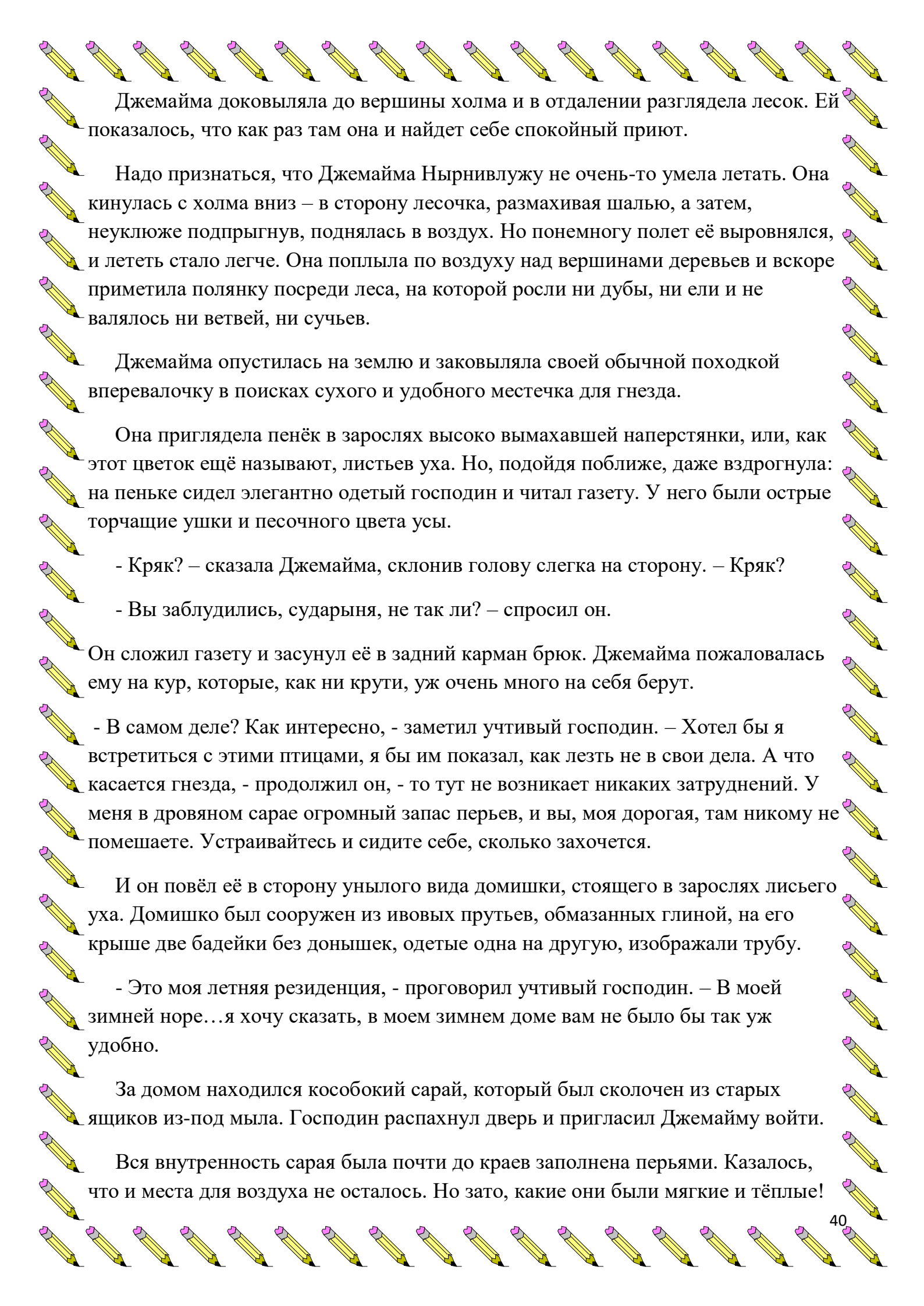
Она было попробовала припрятывать яйца, но их всегда кто-нибудь находил и забирал.

Утка Джемаймы Нырнвлужу пришла, в конце концов, в полное отчаяние. И тут она решила устроить себе гнездо где-нибудь подальше от фермы.

Стояла прекрасная весенняя погода. Джемайма-утка двинулась в путь вдоль проселочной дороги. Дорога эта взбиралась на невысокий холм. На Джемайме была дорожная одежда: шаль и шляпка с высокими полями.

Джемайма доковыляла до вершины холма и в отдалении разглядела лесок. Ей показалось, что как раз там она и найдет себе спокойный приют.

Надо признаться, что Джемайма Нырнвлужу не очень-то умела летать. Она кинулась с холма вниз – в сторону лесочка, размахивая шалью, а затем, неуклюже подпрыгнув, поднялась в воздух. Но понемногу полет её выровнялся, и лететь стало легче. Она поплыла по воздуху над вершинами деревьев и вскоре заметила полянку посреди леса, на которой росли ни дубы, ни ели и не валялось ни ветвей, ни сучьев.

Джемайма опустилась на землю и заковыляла своей обычной походкой вперевалочку в поисках сухого и удобного местечка для гнезда.

Она приглядела пенёк в зарослях высоко вымахавшей наперстянки, или, как этот цветок ещё называют, листьев уха. Но, подойдя поближе, даже вздрогнула: на пеньке сидел элегантно одетый господин и читал газету. У него были острые торчащие ушки и песочного цвета усы.

- Кряк? – сказала Джемайма, склонив голову слегка на сторону. – Кряк?

- Вы заблудились, сударыня, не так ли? – спросил он.

Он сложил газету и засунул её в задний карман брюк. Джемайма пожаловалась ему на кур, которые, как ни крути, уж очень много на себя берут.

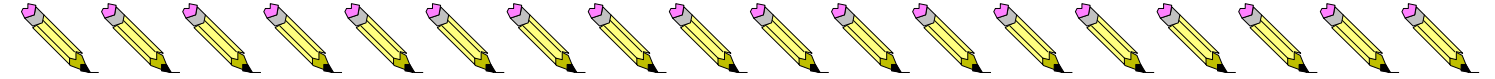
- В самом деле? Как интересно, - заметил учтивый господин. – Хотел бы я встретиться с этими птицами, я бы им показал, как лезть не в свои дела. А что касается гнезда, - продолжил он, - то тут не возникает никаких затруднений. У меня в дровяном сарае огромный запас перьев, и вы, моя дорогая, там никому не помешаете. Устраивайтесь и сидите себе, сколько захочется.

И он повёл её в сторону унылого вида домишки, стоящего в зарослях лисьего уха. Домишко был сооружен из ивовых прутьев, обмазанных глиной, на его крыше две бадейки без донышек, одетые одна на другую, изображали трубу.

- Это моя летняя резиденция, - проговорил учтивый господин. – В моей зимней норе... я хочу сказать, в моем зимнем доме вам не было бы так уж удобно.

За домом находился кособокий сарай, который был сколочен из старых ящиков из-под мыла. Господин распахнул дверь и пригласил Джемайму войти.

Вся внутренность сарая была почти до краев заполнена перьями. Казалось, что и места для воздуха не осталось. Но зато, какие они были мягкие и тёплые!

Джемайма Нырнвлужу слегка удивилась, что в одном месте может оказаться сразу столько перьев. Но очень-то раздумывать на эту тему себе не позволила и быстренько устроила гнездо.

Когда она появились в дверях сарая, господин с песочными усами сидел на бревне и опять читал газету. А может, и не читал. Кто его знает. Во всяком случае, газета была развернута, и он поглядел на утку поверх газетного листа.

Учтивый господин выразил сожаление, что Джемайма должна была на ночь вернуться на ферму. Он обещал, что постережет её гнёздышко до завтра, пока она снова тут не появится. К этому он добавил, что обожает утиные яйца и маленьких утят. И ещё он заметил, что он бесконечно горд оттого, что в его сарае скоро будет гнездо, полное утиных яиц.

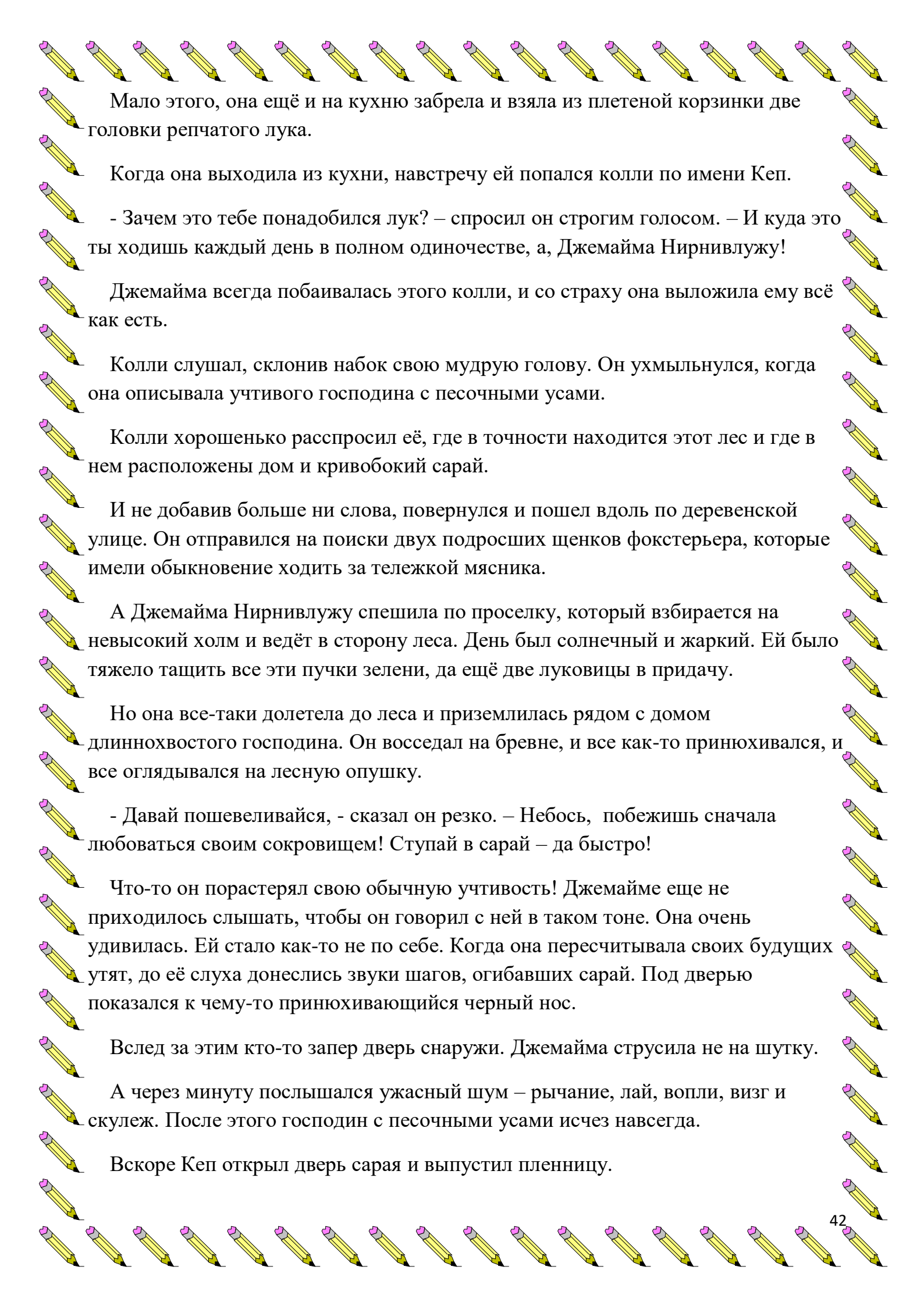
С того самого дня Джемайма Нырнвлужу являлась в сарай аккуратно каждый день после обеда. И, в конце концов, в гнезде оказалось девять яиц. Они были зеленовато-белые, и рыжему господину очень пришлись по душе. Когда Джемайма отсутствовала, он их пересчитывал и переворачивал для собственного удовольствия.

Наконец Джемайма объявила, что с завтрашнего дня она начинает высидывать утят.

- Я принесу с собой мешочек зерна, - добавила она. – Потому что пока утята не вылупятся, я не должна покидать гнезда. Они могут простудиться.

- Сударыня, не извольте беспокоиться и не носите никаких мешочков! – воскликнул господин с песочными усами. – Я буду каждый день доставлять вам столько овса, сколько пожелаете. Но до того как вы приступите к вашему утомительному сидению, - продолжал он, - я хочу вас как следует угостить. Давайте с вами вместе пообедаем, только вы и я – и больше никого! Я попрошу вас принести кое-какие травки из огорода, чтобы мы могли приготовить душистый...ммм...омлет. Пучок шалфея, ну там ещё – немного тимьяна, пару листочков мяты и две луковицы. Да, не забудьте петрушку! А я принесу остальное, чем нафаршировать...ммм...я хочу сказать, с чем приготовить омлет.

Джемайма Нырнвлужу была настоящей простушкой: даже упоминание о луке не возбудило у неё никаких подозрений. Она безмятежно бродила по огороду и отщипывала разные травки, которые употребляются в тех случаях, когда готовят фаршированную утку!

Мало этого, она ещё и на кухню забрела и взяла из плетеной корзинки две головки репчатого лука.

Когда она выходила из кухни, навстречу ей попался колли по имени Кеп.

- Зачем это тебе понадобился лук? – спросил он строгим голосом. – И куда это ты ходишь каждый день в полном одиночестве, а, Джемайма Нирнивлужу!

Джемайма всегда побаивалась этого колли, и со страху она выложила ему всё как есть.

Колли слушал, склонив набок свою мудрую голову. Он ухмыльнулся, когда она описывала учтивого господина с песочными усами.

Колли хорошенько расспросил её, где в точности находится этот лес и где в нем расположены дом и кривобокий сарай.

И не добавив больше ни слова, повернулся и пошел вдоль по деревенской улице. Он отправился на поиски двух подросших щенков фокстерьера, которые имели обыкновение ходить за тележкой мясника.

А Джемайма Нирнивлужу спешила по проселку, который взбирается на невысокий холм и ведёт в сторону леса. День был солнечный и жаркий. Ей было тяжело тащить все эти пучки зелени, да ещё две луковицы в придачу.

Но она все-таки долетела до леса и приземлилась рядом с домом длиннохвостого господина. Он восседал на бревне, и все как-то принюхивался, и все оглядывался на лесную опушку.

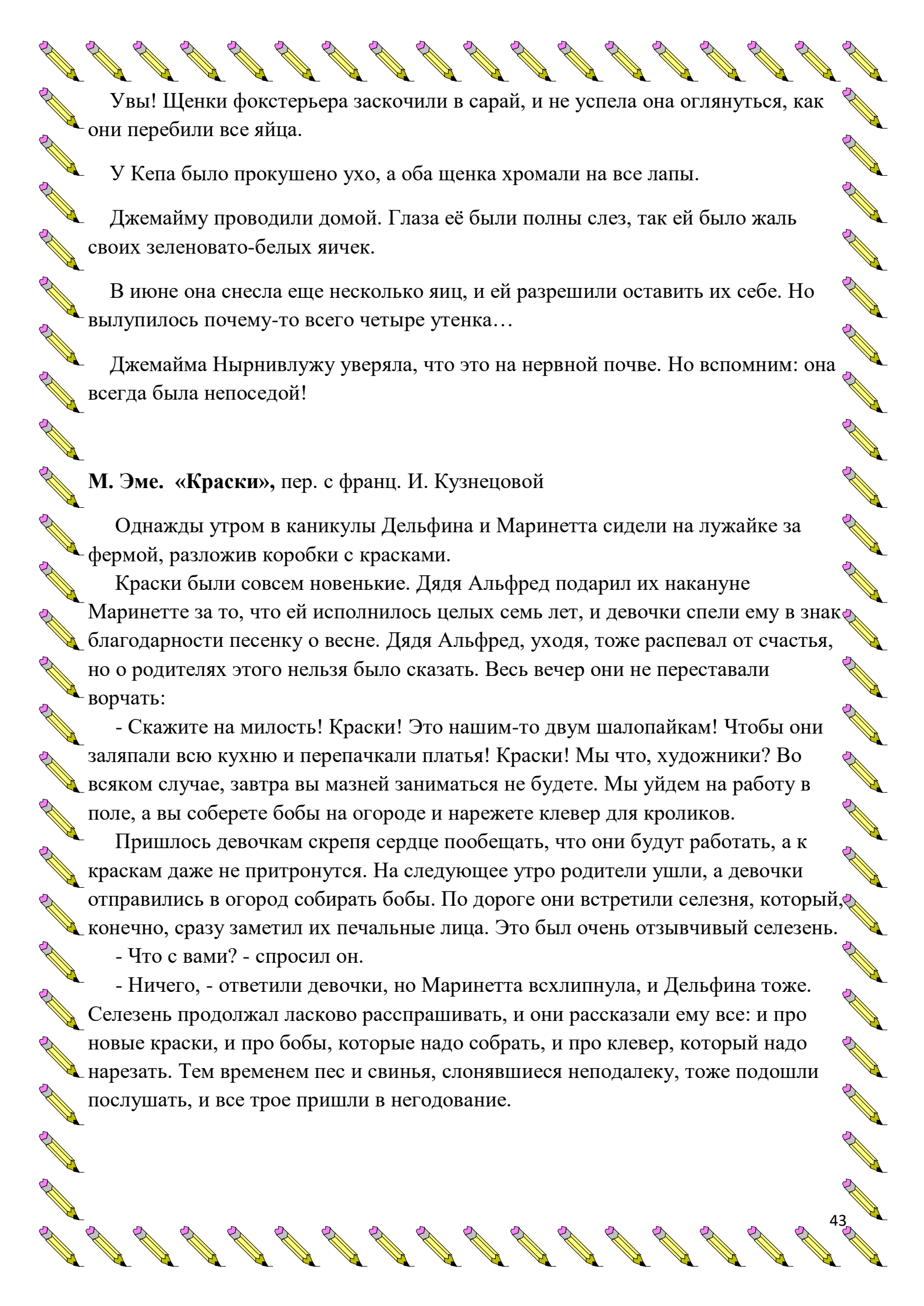
- Давай пошевеливайся, - сказал он резко. – Небось, побежишь сначала любоваться своим сокровищем! Ступай в сарай – да быстро!

Что-то он порастерял свою обычную учтивость! Джемайме еще не приходилось слышать, чтобы он говорил с ней в таком тоне. Она очень удивилась. Ей стало как-то не по себе. Когда она пересчитывала своих будущих утят, до её слуха донеслись звуки шагов, огибавших сарай. Под дверью показался к чему-то принюхивающийся черный нос.

Вслед за этим кто-то запер дверь снаружи. Джемайма струсила не на шутку.

А через минуту послышался ужасный шум – рычание, лай, вопли, визг и скулеж. После этого господин с песочными усами исчез навсегда.

Вскоре Кеп открыл дверь сарая и выпустил пленницу.

Увы! Щенки фокстерьера заскочили в сарай, и не успела она оглянуться, как они перебили все яйца.

У Кепа было прокушено ухо, а оба щенка хромали на все лапы.

Джемайму проводили домой. Глаза её были полны слез, так ей было жаль своих зеленовато-белых яичек.

В июне она снесла еще несколько яиц, и ей разрешили оставить их себе. Но вылупилось почему-то всего четыре утенка...

Джемайма Нырнвлужу уверяла, что это на нервной почве. Но вспомним: она всегда была непоседой!

М. Эме. «Краски», пер. с франц. И. Кузнецовой

Однажды утром в каникулы Дельфина и Маринетта сидели на лужайке за фермой, разложив коробки с красками.

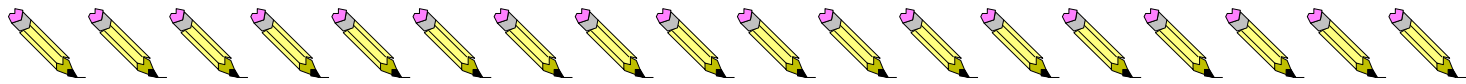
Краски были совсем новенькие. Дядя Альфред подарил их накануне Маринетте за то, что ей исполнилось целых семь лет, и девочки спели ему в знак благодарности песенку о весне. Дядя Альфред, уходя, тоже распевал от счастья, но о родителях этого нельзя было сказать. Весь вечер они не переставали ворчать:

- Скажите на милость! Краски! Это нашим-то двум шалопайкам! Чтобы они заляпали всю кухню и перепачкали платья! Краски! Мы что, художники? Во всяком случае, завтра вы мазней заниматься не будете. Мы уйдем на работу в поле, а вы соберете бобы на огороде и нарежете клевер для кроликов.

Пришлось девочкам скрепя сердце пообещать, что они будут работать, а к краскам даже не притронутся. На следующее утро родители ушли, а девочки отправились в огород собирать бобы. По дороге они встретили селезня, который, конечно, сразу заметил их печальные лица. Это был очень отзывчивый селезень.

- Что с вами? - спросил он.

- Ничего, - ответили девочки, но Маринетта всхлипнула, и Дельфина тоже. Селезень продолжал ласково расспрашивать, и они рассказали ему все: и про новые краски, и про бобы, которые надо собрать, и про клевер, который надо нарезать. Тем временем пес и свинья, слонявшиеся неподалеку, тоже подошли послушать, и все трое пришли в негодование.

- Это возмутительно! - сказал селезень. - Что за несправедливость! Но вы ни о чем не тревожьтесь, идите спокойно рисовать. Я беру на себя бобы, пес мне поможет. Верно, пес?

- Разумеется, - отозвался тот.

- Ас клевером справлюсь я, - сказала свинья. - Нарезу сколько угодно. Девочки обрадовались. Уверенные, что родители ничего не узнают, они расцеловали своих друзей и отправились с красками на лужайку.

Они набирали в баночку воду, когда к ним подошел ослик.

- Доброе утро, девочки. Что это у вас за коробочки?

Маринетта ответила, что это краски, и они собираются ими рисовать.

- Если хочешь, — добавила она, - я нарисую твой портрет.

- О, конечно, хочу, — сказал ослик. - Ведь у нас, животных, нет никакой возможности узнать, какие мы на самом деле.

Маринетта велела ослику повернуться в профиль и взялась за кисть.

Дельфина же начала писать портрет кузнечика на травинке. Девочки усердно трудились, молча склонив головки и высунув язык.

Наконец ослик, долго стоявший не шевелясь, не выдержал и спросил:

- Можно посмотреть, что получается?

- Подожди, - ответила Маринетта, - дай я только уши дорисую.

- Конечно, конечно. Не спеши. Кстати, раз уж речь зашла об ушах, я хотел тебе сказать... Они у меня, конечно, длинные, но все-таки не настолько.

- Да не волнуйся, я делаю все, как надо.

Между тем девочку постигла неудача. Изобразив кузнечика и травинку, она обнаружила, что для большого листа бумаги рисунок мелковат, и решила прибавить фон - зеленую лужайку. К несчастью, кузнечик и лужайка оказались одного цвета, так что все слилось, и от кузнечика ничего не осталось. Это было очень досадно.

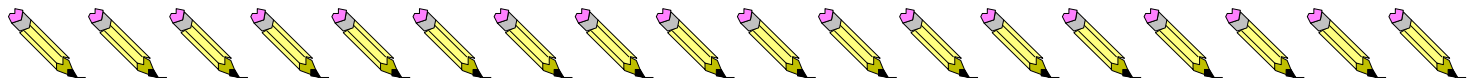
Закончив портрет ослика, Маринетта пригласила его посмотреть, и он с готовностью поспешил к ней. То, что он увидел, оказалось для него неожиданностью.

- Как мало мы себя знаем, — произнес он с грустью в голосе. - Никогда бы не подумал, что у меня бульдожья голова.

Маринетта покраснела, а ослик продолжал:

- Вот и уши тоже... Мне часто говорили, что они у меня длинные, но я и предположить не мог, что такие уж здоровенные.

Маринетта совсем смутилась и покраснела еще больше. В самом деле, уши на портрете занимали примерно столько же места, сколько все туловище. Ослик продолжал уныло разглядывать свой портрет, и вдруг его передернуло.

- Что это значит? - воскликнул он. - Ты нарисовала мне всего две ноги!

Тут Маринетте было что возразить, и она уверенно ответила:

- Как же иначе? Ведь я видела только две ноги! Не могу же я рисовать больше ног, чем вижу.

- Все это, конечно, прекрасно, но ног-то у меня все-таки не две, а четыре.

- Нет, - вмешалась Дельфина. - В профиль у тебя их только две.

Ослик не стал спорить. Он был уязвлен.

- Что ж, ладно, - пробормотал он, удаляясь, - две, значит, две.

- Слушай, ну посуди сам...

- Нет, нет, у меня две ноги, и кончим этот разговор.

Дельфина рассмеялась, и Маринетта тоже, хотя совесть у нее была не совсем чиста. Потом они забыли про ослика и стали думать, кого бы еще нарисовать.

Мимо как раз проходила пара волов с фермы - они шли через лужайку на водопой. Это были большие белые волы без единого пятнышка.

- Доброе утро, милые. Что это у вас за странные коробочки?

Дельфина и Маринетта сказали, что это краски, объяснили, для чего они нужны, и волы спросили, не согласятся ли девочки написать их портрет.

Дельфина, наученная неудачей с кузнечиком, покачала головой.

- Это невозможно. Вы белые, значит, того же цвета, что и бумага. Белого на белом просто не будет видно. Получится, что вас как будто и не существует вовсе.

Волы посмотрели друг на друга, и один из них холодно сказал:

- Что ж, раз не существует, всего доброго!

Девочки растерялись. Но тут они услышали за спиной громкие голоса: к ним приближались лошадь и петух, переругиваясь на ходу.

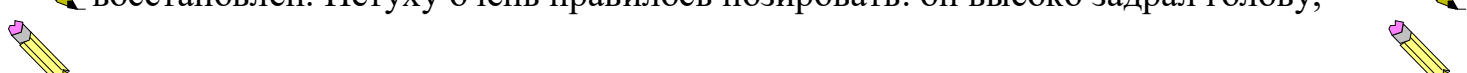
- Да, да, - кипятился петух, - я полезнее вас и к тому же умнее. И пожалуйста, без этих усмешечек, а не то я задам вам хорошую трепку.

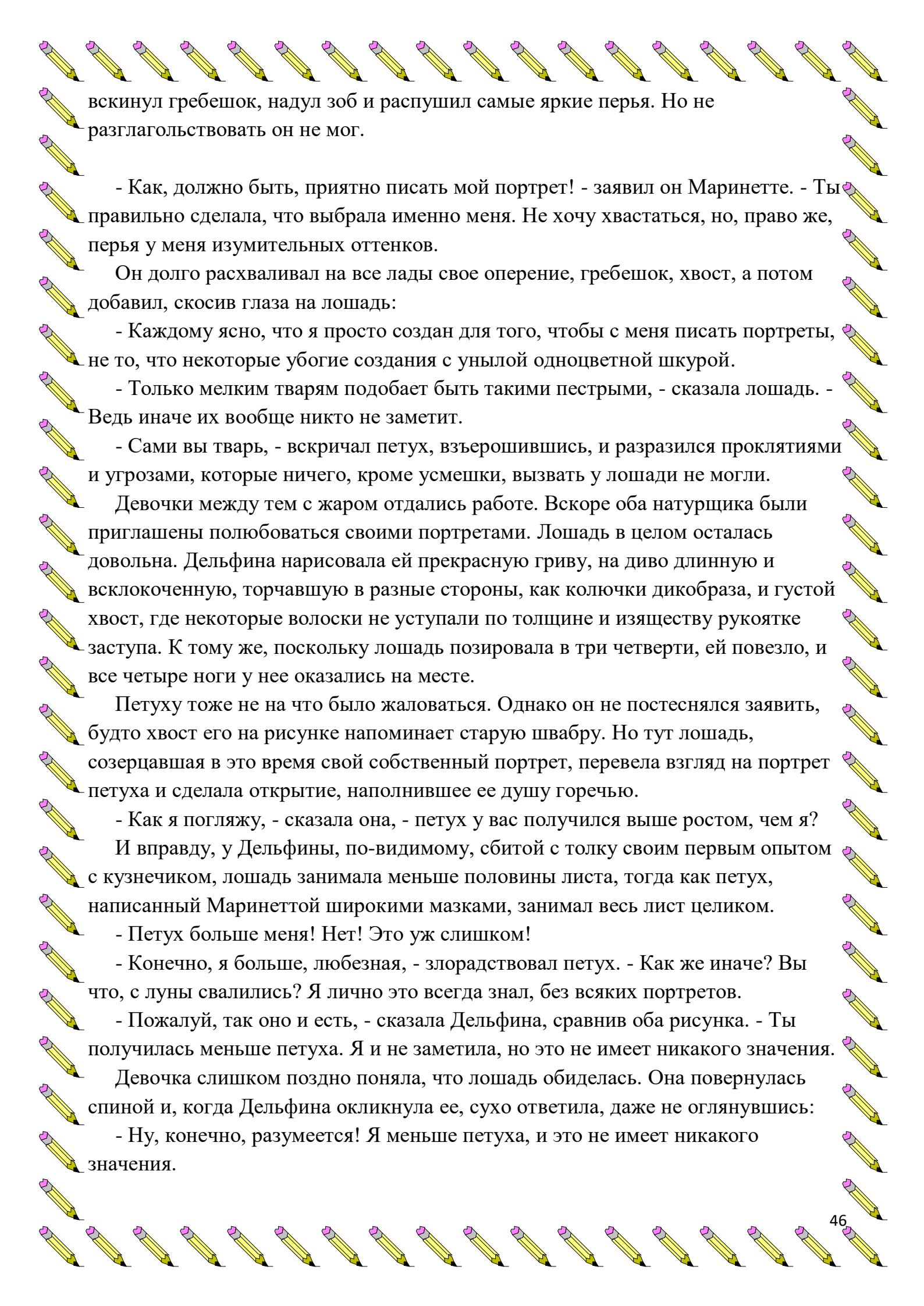
- Куда тебе, сморчок! - отозвалась лошадь.

- Сморчок? Да вы и сами-то не больно велики! Берусь доказать вам это хоть сейчас!

Девочки хотели вмешаться, но унять петуха было не так-то просто.

Все уладила Дельфина, предложив спорщикам их нарисовать. Она занялась лошадью, а Маринетта приступила к портрету петуха. Казалось, мир восстановлен. Петуху очень нравилось позировать: он высоко задрал голову,

вскинул гребешок, надул зоб и распушил самые яркие перья. Но не разглагольствовать он не мог.

- Как, должно быть, приятно писать мой портрет! - заявил он Маринетте. - Ты правильно сделала, что выбрала именно меня. Не хочу хвастаться, но, право же, перья у меня изумительных оттенков.

Он долго расхваливал на все лады свое оперение, гребешок, хвост, а потом добавил, скосив глаза на лошадь:

- Каждому ясно, что я просто создан для того, чтобы с меня писать портреты, не то, что некоторые убогие создания с унылой одноцветной шкурой.

- Только мелким тварям подобает быть такими пестрыми, - сказала лошадь. - Ведь иначе их вообще никто не заметит.

- Сами вы тварь, - вскричал петух, взъерошившись, и разразился проклятиями и угрозами, которые ничего, кроме усмешки, вызвать у лошади не могли.

Девочки между тем с жаром отдались работе. Вскоре оба натурщика были приглашены полюбоваться своими портретами. Лошадь в целом осталась довольна. Дельфина нарисовала ей прекрасную гриву, на диво длинную и всклокоченную, торчавшую в разные стороны, как колючки дикобраза, и густой хвост, где некоторые волоски не уступали по толщине и изяществу рукоятке заступа. К тому же, поскольку лошадь позировала в три четверти, ей повезло, и все четыре ноги у нее оказались на месте.

Петуху тоже не на что было жаловаться. Однако он не постеснялся заявить, будто хвост его на рисунке напоминает старую швабру. Но тут лошадь, созерцавшая в это время свой собственный портрет, перевела взгляд на портрет петуха и сделала открытие, наполнившее ее душу горечью.

- Как я погляжу, - сказала она, - петух у вас получился выше ростом, чем я?

И вправду, у Дельфины, по-видимому, сбитой с толку своим первым опытом с кузнечиком, лошадь занимала меньше половины листа, тогда как петух, написанный Маринеттой широкими мазками, занимал весь лист целиком.

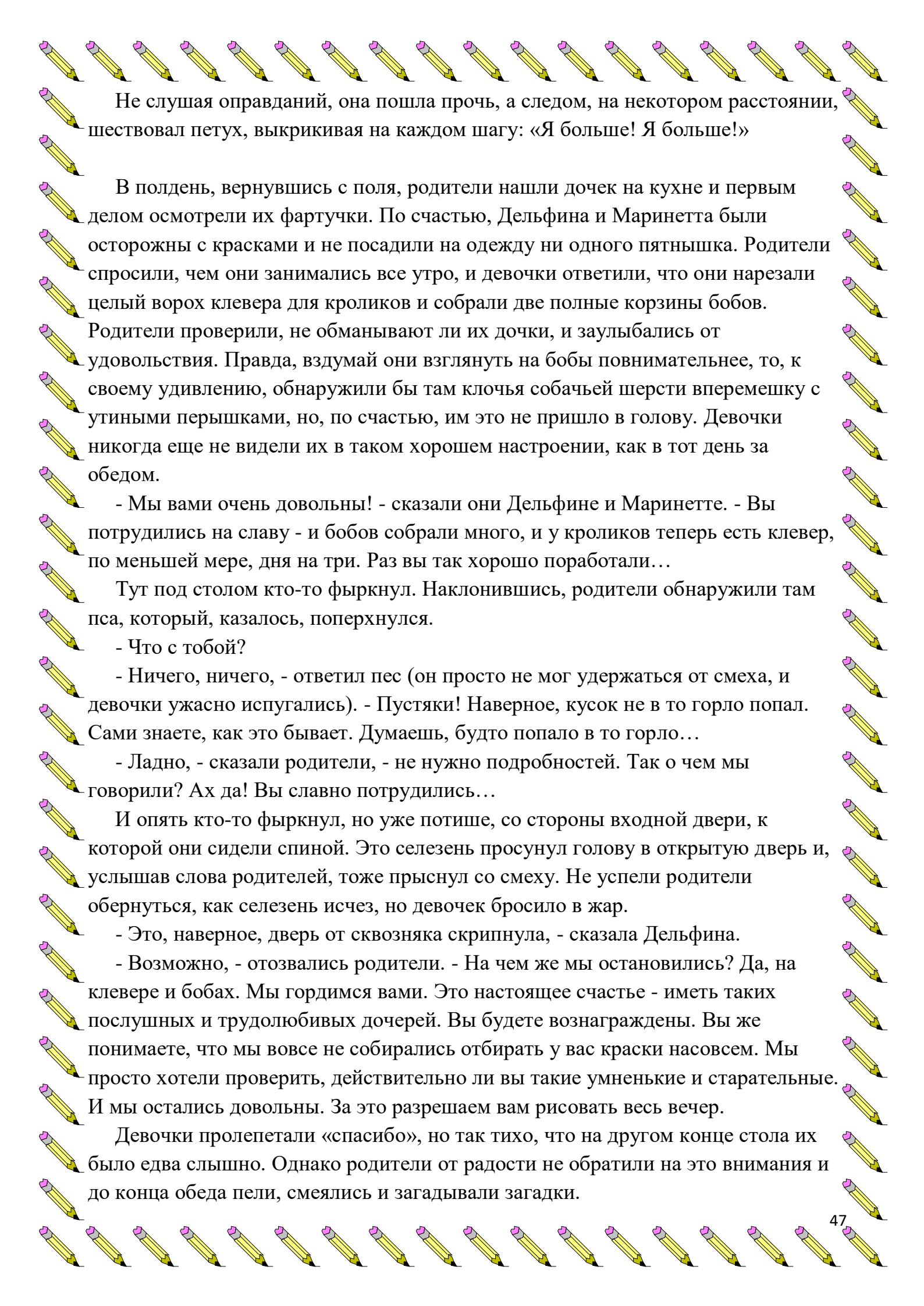
- Петух больше меня! Нет! Это уж слишком!

- Конечно, я больше, любезная, - злорадствовал петух. - Как же иначе? Вы что, с луны свалились? Я лично это всегда знал, без всяких портретов.

- Пожалуй, так оно и есть, - сказала Дельфина, сравнив оба рисунка. - Ты получилась меньше петуха. Я и не заметила, но это не имеет никакого значения.

Девочка слишком поздно поняла, что лошадь обиделась. Она повернулась спиной и, когда Дельфина окликнула ее, сухо ответила, даже не оглянувшись:

- Ну, конечно, разумеется! Я меньше петуха, и это не имеет никакого значения.

Не слушая оправданий, она пошла прочь, а следом, на некотором расстоянии, шествовал петух, выкрикивая на каждом шагу: «Я больше! Я больше!»

В полдень, вернувшись с поля, родители нашли дочек на кухне и первым делом осмотрели их фартучки. По счастью, Дельфина и Маринетта были осторожны с красками и не посадили на одежду ни одного пятнышка. Родители спросили, чем они занимались все утро, и девочки ответили, что они нарезали целый ворох клевера для кроликов и собрали две полные корзины бобов. Родители проверили, не обманывают ли их дочери, и заулыбались от удовольствия. Правда, вздумай они взглянуть на бобы повнимательнее, то, к своему удивлению, обнаружили бы там клочья собачьей шерсти вперемешку с утиными перышками, но, по счастью, им это не пришло в голову. Девочки никогда еще не видели их в таком хорошем настроении, как в тот день за обедом.

- Мы вами очень довольны! - сказали они Дельфине и Маринетте. - Вы потрудились на славу - и бобов собрали много, и у кроликов теперь есть клевер, по меньшей мере, дня на три. Раз вы так хорошо поработали...

Тут под столом кто-то фыркнул. Наклонившись, родители обнаружили там пса, который, казалось, поперхнулся.

- Что с тобой?

- Ничего, ничего, - ответил пес (он просто не мог удержаться от смеха, и девочки ужасно испугались). - Пустяки! Наверное, кусок не в то горло попал. Сами знаете, как это бывает. Думаешь, будто попало в то горло...

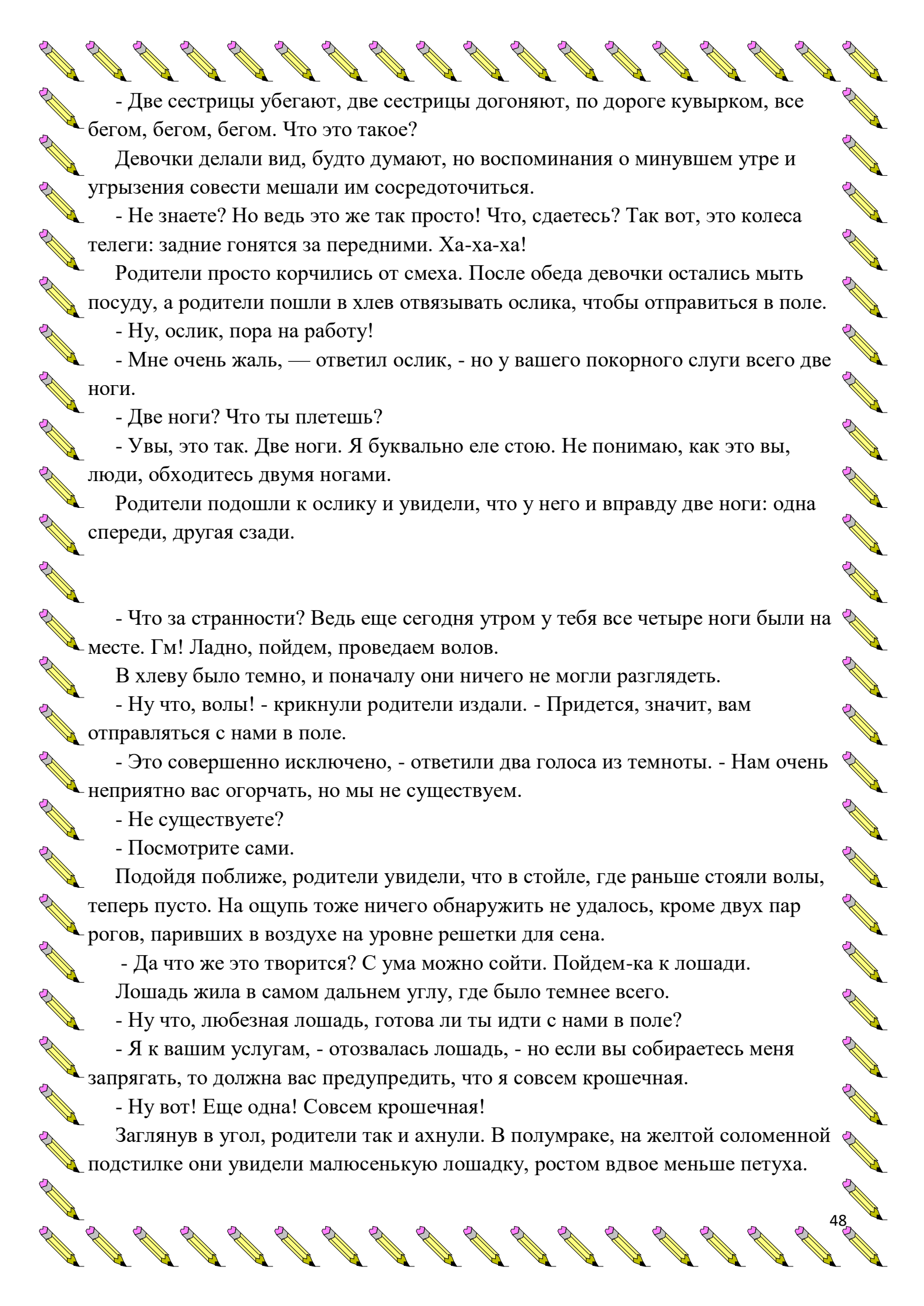
- Ладно, - сказали родители, - не нужно подробностей. Так о чем мы говорили? Ах да! Вы славно потрудились...

И опять кто-то фыркнул, но уже потише, со стороны входной двери, к которой они сидели спиной. Это селезень просунул голову в открытую дверь и, услышав слова родителей, тоже прыснул со смеху. Не успели родители обернуться, как селезень исчез, но девочек бросило в жар.

- Это, наверное, дверь от сквозняка скрипнула, - сказала Дельфина.

- Возможно, - отозвались родители. - На чем же мы остановились? Да, на клевере и бобах. Мы гордимся вами. Это настоящее счастье - иметь таких послушных и трудолюбивых дочерей. Вы будете вознаграждены. Вы же понимаете, что мы вовсе не собирались отбирать у вас краски насовсем. Мы просто хотели проверить, действительно ли вы такие умненькие и старательные. И мы остались довольны. За это разрешаем вам рисовать весь вечер.

Девочки пролепетали «спасибо», но так тихо, что на другом конце стола их было едва слышно. Однако родители от радости не обратили на это внимания и до конца обеда пели, смеялись и загадывали загадки.

- Две сестрицы убегают, две сестрицы догоняют, по дороге кувырком, все бегом, бегом, бегом. Что это такое?

Девочки делали вид, будто думают, но воспоминания о минувшем утре и угрызения совести мешали им сосредоточиться.

- Не знаете? Но ведь это же так просто! Что, сдаетесь? Так вот, это колеса телеги: задние гонятся за передними. Ха-ха-ха!

Родители просто корчились от смеха. После обеда девочки остались мыть посуду, а родители пошли в хлев отвязывать ослика, чтобы отправиться в поле.

- Ну, ослик, пора на работу!

- Мне очень жаль, — ответил ослик, - но у вашего покорного слуги всего две ноги.

- Две ноги? Что ты плетешь?

- Увы, это так. Две ноги. Я буквально еле стою. Не понимаю, как это вы, люди, обходитесь двумя ногами.

Родители подошли к ослику и увидели, что у него и вправду две ноги: одна спереди, другая сзади.

- Что за странности? Ведь еще сегодня утром у тебя все четыре ноги были на месте. Гм! Ладно, пойдем, проведем волов.

В хлеву было темно, и поначалу они ничего не могли разглядеть.

- Ну что, волю! - крикнули родители издали. - Придется, значит, вам отправляться с нами в поле.

- Это совершенно исключено, - ответили два голоса из темноты. - Нам очень неприятно вас огорчать, но мы не существуем.

- Не существуете?

- Посмотрите сами.

Подойдя поближе, родители увидели, что в стойле, где раньше стояли волю, теперь пусто. На ощупь тоже ничего обнаружить не удалось, кроме двух пар рогов, паривших в воздухе на уровне решетки для сена.

- Да что же это творится? С ума можно сойти. Пойдем-ка к лошади.

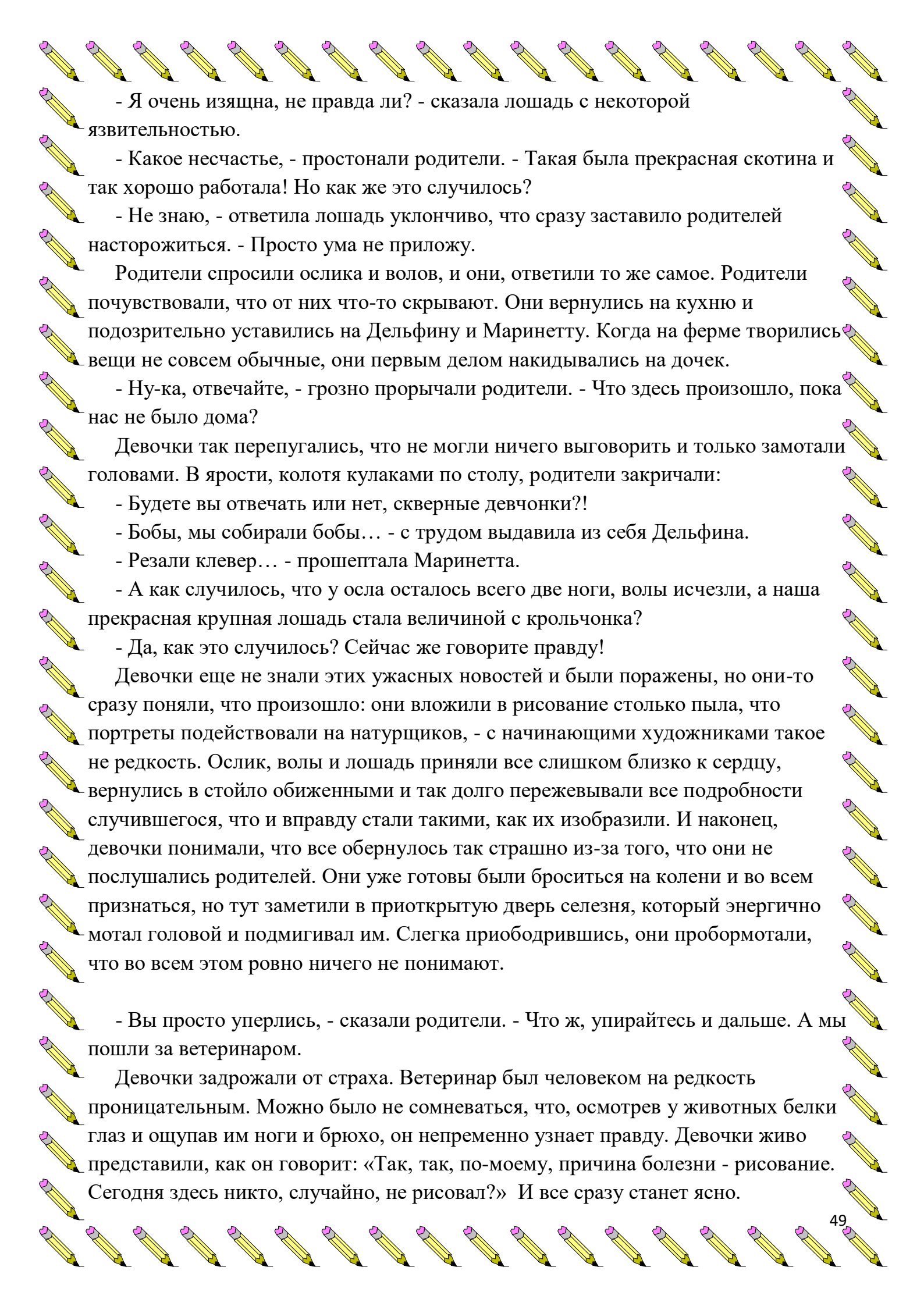
Лошадь жила в самом дальнем углу, где было темнее всего.

- Ну что, любезная лошадь, готова ли ты идти с нами в поле?

- Я к вашим услугам, - отозвалась лошадь, - но если вы собираетесь меня запрягать, то должна вас предупредить, что я совсем крошечная.

- Ну вот! Еще одна! Совсем крошечная!

Заглянув в угол, родители так и ахнули. В полумраке, на желтой соломенной подстилке они увидели малюсенькую лошадку, ростом вдвое меньше петуха.

- Я очень изящна, не правда ли? - сказала лошадь с некоторой язвительностью.

- Какое несчастье, - простонали родители. - Такая была прекрасная скотина и так хорошо работала! Но как же это случилось?

- Не знаю, - ответила лошадь уклончиво, что сразу заставило родителей насторожиться. - Просто ума не приложу.

Родители спросили ослика и волов, и они, ответили то же самое. Родители почувствовали, что от них что-то скрывают. Они вернулись на кухню и подозрительно уставились на Дельфину и Маринетту. Когда на ферме творились вещи не совсем обычные, они первым делом накидывались на дочек.

- Ну-ка, отвечайте, - грозно прорычали родители. - Что здесь произошло, пока нас не было дома?

Девочки так перепугались, что не могли ничего выговорить и только замотали головами. В ярости, колотя кулаками по столу, родители закричали:

- Будете вы отвечать или нет, скверные девчонки?!

- Бобы, мы собирали бобы... - с трудом выдавила из себя Дельфина.

- Резали клевер... - прошептала Маринетта.

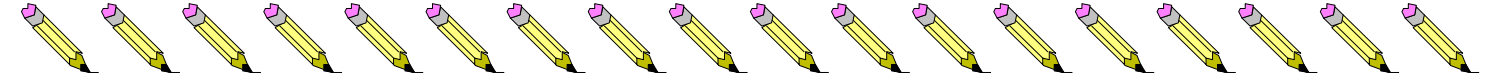
- А как случилось, что у осла осталось всего две ноги, волы исчезли, а наша прекрасная крупная лошадь стала величиной с крольчонка?

- Да, как это случилось? Сейчас же говорите правду!

Девочки еще не знали этих ужасных новостей и были поражены, но они-то сразу поняли, что произошло: они вложили в рисование столько пыла, что портреты подействовали на натурщиков, - с начинающими художниками такое не редкость. Ослик, волы и лошадь приняли все слишком близко к сердцу, вернулись в стойло обиженными и так долго пережевывали все подробности случившегося, что и вправду стали такими, как их изобразили. И наконец, девочки понимали, что все обернулось так страшно из-за того, что они не послушались родителей. Они уже готовы были броситься на колени и во всем признаться, но тут заметили в приоткрытую дверь селезня, который энергично мотал головой и подмигивал им. Слегка приободрившись, они пробормотали, что во всем этом ровно ничего не понимают.

- Вы просто уперлись, - сказали родители. - Что ж, упирайтесь и дальше. А мы пошли за ветеринаром.

Девочки задрожали от страха. Ветеринар был человеком на редкость проникательным. Можно было не сомневаться, что, осмотрев у животных белки глаз и ощупав им ноги и брюхо, он непременно узнает правду. Девочки живо представили, как он говорит: «Так, так, по-моему, причина болезни - рисование. Сегодня здесь никто, случайно, не рисовал?» И все сразу станет ясно.

Родители ушли. Дельфина рассказала все Селезень и объяснила, почему следует так опасаться ученого ветеринара. Селезень проявил редкостное присутствие духа.

- Не будем терять времени, - сказал он. - Берите краски и выводите животных на лужайку. Что рисование испортило, рисование же и исправит.

Сначала девочки вывели ослика, что было непросто: он с большим трудом ковылял на двух ногах, то и дело, теряя равновесие, а на лужайке пришлось подставить ему под брюхо табурет, иначе он шлепнулся бы на землю. С волами все обстояло проще, они шли сами. Правда, какой-то прохожий, случайно оказавшийся поблизости, был удивлен, увидев, как две пары рогов, паря в воздухе, пересекли двор, но, здраво поразмыслив, счел, что у него просто плохо со зрением.

Когда вывели лошадь, она сначала испугалась, столкнувшись, нос к носу с псом, который показался ей гигантским чудовищем, но тут же сама над собой посмеялась.

- Какие все большие вокруг меня, - сказала она, - и как забавно быть маленькой!

Но вскоре ей пришлось изменить свое мнение, потому что петух, заметив издали бедную маленькую лошадку, налетел на нее, яростно хлопая крыльями, и закричал прямо в ухо:

- Ага! Вот мы с вами и встретились. Надеюсь, вы не забыли, что я обещал задать вам трепку.

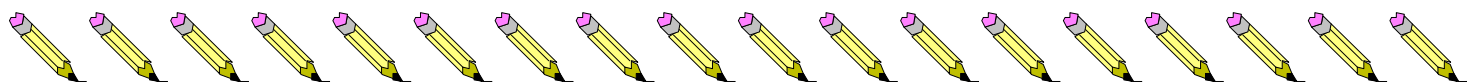
Лошадь задрожала всем телом. Селезень попытался вмешаться, но тщетно, и девочкам повезло ничуть не больше.

- Отойдите все, - зарычал пес, - я его сейчас просто съем!

Он оскалил зубы и двинулся на петуха, который поспешно убрался прочь. Бедняга убежал так далеко, что вернулся только через три дня и в довольно жалком виде.

Селезень собрал всех на лужайке, откашлялся и обратился к лошади, ослику и волам с такой речью:

- Друзья мои, дорогие старые друзья! Мне очень больно видеть вас в таком положении. Как горько сознавать, что эти великолепные белые волы, которые радовали наш взор, теперь - пустое место, что ослик, некогда столь грациозный в движениях, ковыляет, как калека, на двух ногах, а наша прекрасная рослая лошадь превратилась в жалкую сморщенную малявку! Поверьте, сердце сжимается у меня в груди, тем более что вся эта нелепая история - просто

недоразумение. Да, да, недоразумение. У девочек и в мыслях не было кого-то оскорбить. Напротив! Они не меньше меня сокрушаются о том, что с вами произошло. Да и вам теперь несладко живется. Так не упрямитесь же! Послушайте меня и позвольте вернуть вам прежний облик.

Животные обиженно молчали. Ослик с неприступным видом уставился на свое единственное переднее копыто, не желая даже поднять глаза. Лошадь, хотя сердце ее все еще колотилось от страха, тоже не выглядела расположенной внять доводам рассудка. Волы, поскольку их не было видно, никак не выглядели, и только рога - единственное, что было доступно глазу, - хранили многозначительную неподвижность. Первым заговорил ослик.

- У меня теперь две ноги, — сказал он сухо. - Что ж, две так две. И говорить тут не о чем.

- Мы не существуем, - сказали волы, - и ничего не можем с этим поделать.

- Да, я совсем маленькая, - сказала лошадь. - Значит, так тому и быть.

Уладить ссору явно не удавалось, воцарилось тягостное молчание. Пес, возмущенный такой несговорчивостью, рыча, повернулся к Дельфине и Маринетте:

- Вы слишком добры к этим грубым скотам! Предоставьте действовать мне. Сейчас я их поучу зубами.

- Нас зубами? - переспросил ослик. - Превосходно! Вот как к нам здесь относятся!

Он захихикал, и волы и лошадь захихикали вместе с ним.

- Ну, полно, полно, это же не всерьез, - поспешил вмещаться селезень. — Пес просто пошутил. Но вы еще не все знаете! Выслушайте меня. Родители отправились за ветеринаром. Меньше чем через час он будет здесь, осмотрит вас и сразу поймет, в чем дело. Ведь родители запретили девочкам рисовать сегодня утром. Ну что ж, ничего не поделаешь. Раз вам так хочется, то их отругают и накажут, может быть, даже побьют.

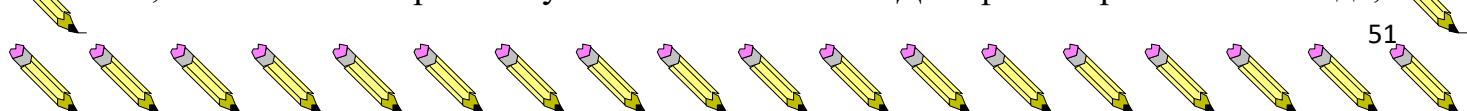
Ослик посмотрел на Маринетту, лошадь на Дельфину, а рога переместились в пространстве, как бы повернувшись вполоборота к девочкам.

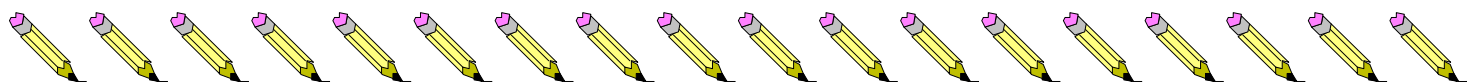
- Вообще-то, - пробормотал ослик, - на четырех ногах передвигаться удобнее, чем на двух. Это намного практичнее.

- Быть в глазах всех лишь парой рогов - это, конечно, маловато, - признали волы.

- Смотреть на мир чуть свысока все-таки очень приятно, — вздохнула лошадь.

Увидев, что животные смягчились, девочки открыли коробки с красками и принялись за дело. Маринетта изобразила ослика и уж на этот раз позаботилась о том, чтобы все четыре ноги у него были на месте. Дельфина нарисовала лошадь,

а у ее ног петуха - как оно и было на самом деле. Работа шла быстро. Селезень ликовал. Портреты были закончены, лошадь и ослик заявили, что они полностью удовлетворены... Однако недостающие ноги у ослика не выросли, и лошадь тоже выше ростом не стала. Для всех это было неприятной неожиданностью, и селезень забеспокоился. Он спросил у осла, не чувствует ли он зуда в том месте, где должны быть ноги, а у лошади - не тесно ли ей в своей шкуре. Но нет, они ничего такого не испытывали.

- Тут нужно время, - сказал селезень Дельфине и Маринетте. - Пока вы будете рисовать волов, все устроится, я уверен.

Дельфина и Маринетта принялись рисовать каждая по волу, начиная с рогов, а остальное дорисовали по памяти, и она их, в общем, не подвела. Бумагу девочки выбрали серую, где белый цвет - цвет кожи невидимых волов - отчетливо выделялся. Волы тоже остались довольны своими портретами, усмотрев в них большое сходство. Тем не менее, увидеть их по-прежнему было невозможно, если не считать рогов. Лошадь и ослик тоже не чувствовали ничего, что предвещало бы возвращение их прежнего облика. Селезень с трудом скрывал тревогу, и самые яркие его перья от огорчения поблекли.

- Подождем, - говорил он. - Подождем.

Прошло еще минут пятнадцать, но ничего не изменилось. Селезень заметил неподалеку голубя, искавшего пропитания на лужайке, подошел и что-то тихо сказал ему. Голубь вспорхнул и улетел, но вскоре вернулся и сел на рога одному из волов.

- Я видел на повороте, возле большого тополя, бричку, - сообщил он. - В ней едут родители и еще какой-то человек.

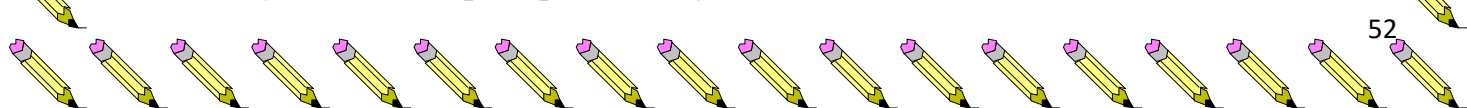
- Ветеринар! - закричали девочки.

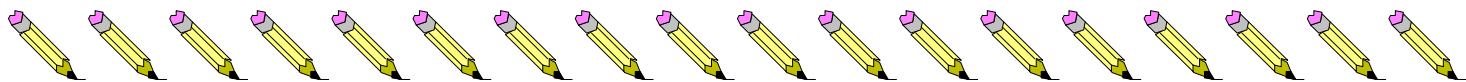
Несомненно, это мог быть только он, и бричка вот-вот покажется на дороге. В их распоряжении оставались считанные минуты. Видя, как напуганы девочки, и представив себе гнев родителей, животные очень опечалились.

- Ну, постарайтесь же, - сказал селезень, - сделайте еще одно усилие! Ведь во всем виноваты вы сами, ваша злопамятность.

Ослик завертелся и заерзал, надеясь, что от этого вырастут недостающие ноги, волы изо всех сил напряглись, а лошадь набрала побольше воздуха, чтобы раздуться, но ничего не помогло. Бедные животные не знали, куда деваться от стыда. Вскоре послышался стук колес на дороге, и девочки потеряли последнюю надежду.

Дельфина и Маринетта, бледные, как полотно, дрожали от страха в ожидании ученого ветеринара. Ослику было так тяжело это видеть, что он

доковылял кое-как до Маринетты и стал лизать ей руки. Он хотел попросить прощения и сказать что-нибудь ласковое, но от волнения не мог выговорить ни слова, глаза его наполнились слезами, и слезы закапали на портрет. Это были слезы дружбы. Едва они коснулись бумаги, как у ослика страшно закололо в правом боку, и через миг он уже твердо стоял на своих четырех ногах. Все сразу приободрилось, и у девочек вновь зародилась надежда. Времени почти не оставалось: бричка была примерно в сотне метров от фермы, но селезень уже сообразил, что надо делать. Он схватил в клюв портрет лошади, быстро сунул ей под нос. Ура! На бумагу сразу упала слеза. Долго ждать не пришлось, лошадь стала расти на глазах, и не успели девочки сосчитать до десяти, как она обрела свои обычные размеры. Бричка была уже метрах в тридцати от ворот.

Волы, никогда не отличавшиеся особой чувствительностью, стояли над своими портретами и силились настроиться на печальный лад. Один из них как-то сумел прослезиться и стал видимым в тот самый момент, когда бричка въезжала во двор фермы. Девочки чуть не захлопали в ладоши, но селезень по-прежнему выглядел озабоченным. Ведь второй вол все еще не существовал. Он был преисполнен доброй воли, но слезы были не в его характере, никогда в жизни его не видели плачущим. Как он ни старался, как ни усердствовал, ему не удавалось выдавить из себя даже крохотной слезинки.

Надо было спешить, родители уже вылезали из брички. По приказу селезня пес побежал им навстречу, чтобы задержать их, и, приветствуя ветеринара, так бросился ему под ноги, что тот растянулся в пыли.

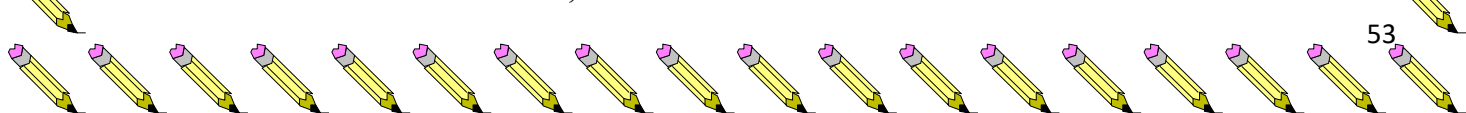
Родители забегали по двору в поисках дубинки, клянясь обломать ее о спину пса. Потом спохватились, что надо позаботиться о ветеринаре, и кинулись поднимать его и отряхивать. Все это заняло минут пять.

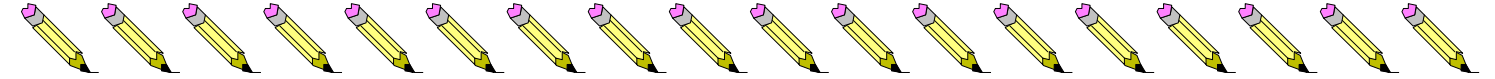
В это время на лужайке все с тревогой смотрели на рога невидимого вола. Он напрягался всем существом, но заплакать было выше его сил.

- Простите меня, - сказал он девочкам, - но я чувствую, что у меня ничего не выйдет.

Всех охватило уныние. Даже селезень пал духом. Только вол, уже обретший плоть и кровь, сохранял остатки хладнокровия. У него возникла мысль спеть своему товарищу песенку, которую они пели с ним вместе в те времена, когда были еще телятами. Песенка начиналась так:

Одинокий юный вол
Молочка попить пошел,
Му-му-му, му-му-му.
И на траве под елочкой
Познакомился с телочкой,

Му-му-му, му-му-му.

Мотив был грустный и навевал меланхолию. Первый же куплет песенки оказал долгожданное действие. Рога слегка дрогнули. Несколько раз, тяжело вздохнув, бедное животное выжало из одного глаза слезинку, но такую маленькую, что она даже не могла капнуть. К счастью, Дельфина заметила, как она блеснула, осторожно подцепила ее кисточкой и размазала по портрету. Вол сейчас же стал видимым и осязаемым. И как раз вовремя.

Родители, а с ними ветеринар уже появились на лужайке. При виде волов, осла на четырех ногах и лошади, красовавшейся в полный рост, все трое онемели от удивления. Ветеринар, который и так был не в духе от того, что упал, ехидно спросил:

- Так это и есть волы, которых не видно, осел без двух ног и лошадь размером с кролика? Как я погляжу, они не очень страдают от этих недугов.

- Уму непостижимо, - забормотали родители. - Только что в стойле...

- Вам это приснилось, или от слишком плотного обеда у вас помутилось в глазах. По-моему, медицинская помощь требуется не животным, а вам самим. Я лично не потерплю, чтобы меня беспокоили попусту. Да, да! Не потерплю!

Бедные родители, опустив голову, стали рассыпаться в извинениях, и ветеринар смягчился. Он сказал, глядя на Дельфину и Маринетту:

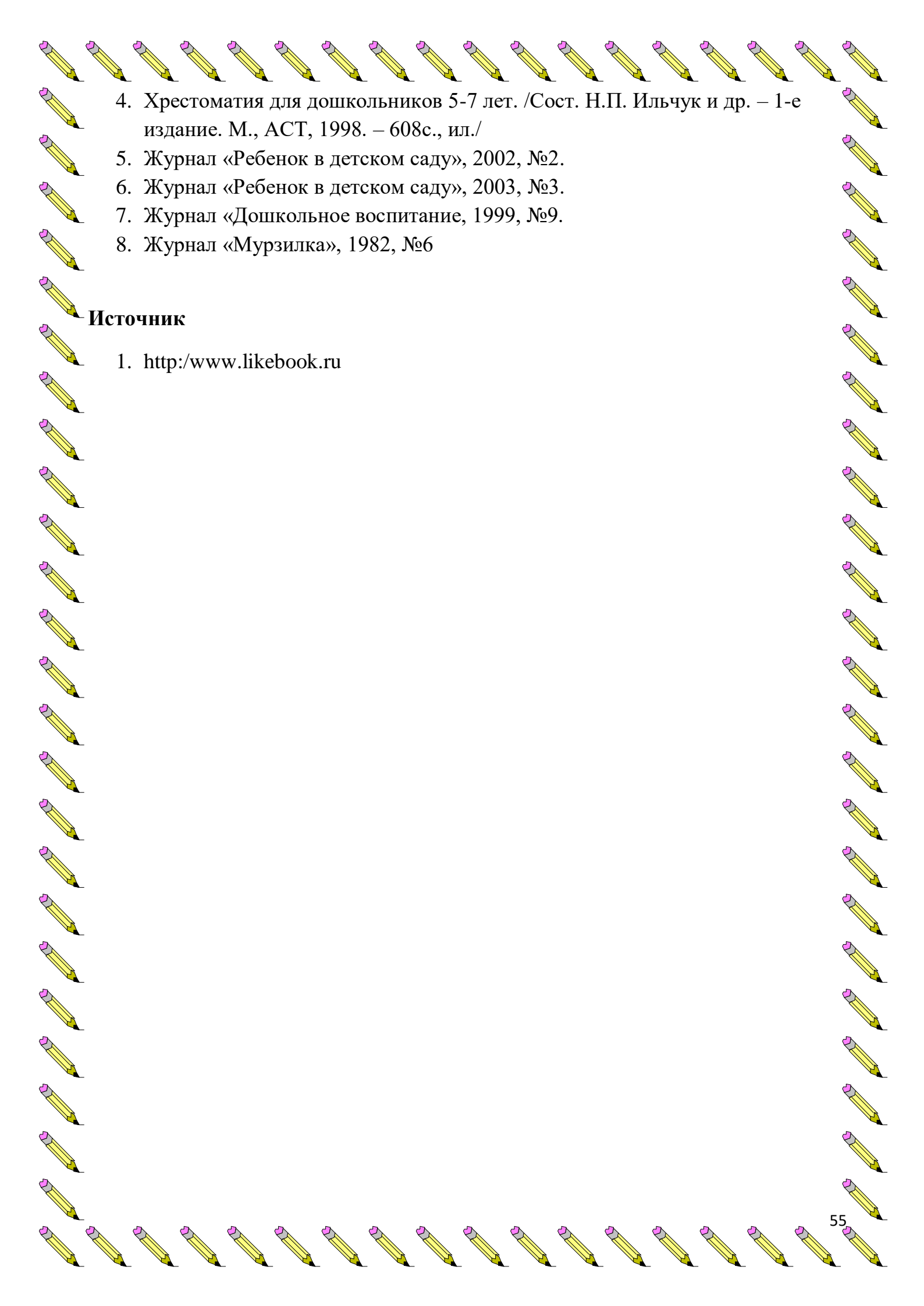
- На этот раз я вас прощаю, но только потому, что у вас такие хорошенькие дочки. На них достаточно один раз взглянуть и сразу видно, что они очень умненькие и послушные. Правда, девочки?

Дельфина и Маринетта покраснели до ушей и стояли, не смея слова вымолвить, а селезень, не растерявшись, ответил:

- Послушней их во всем свете не найти.

Литература

1. А. Афанасьев. Заветные русские сказки. М., «Эксмо», 2007. – 349с.
2. Книга для чтения в детском саду и дома: 5-7 лет: Пособие для воспитателей и родителей /Сост. В.В. Гербова и др. – М.: Издательство «Оникс», 2008. – 352с.
3. Хрестоматия для дошкольников 4-5 лет. /Сост. Н.П. Ильчук и др. – 1-е издание. М., АСТ, 1998. – 608с., ил./

-
4. Хрестоматия для дошкольников 5-7 лет. /Сост. Н.П. Ильчук и др. – 1-е издание. М., АСТ, 1998. – 608с., ил./
  5. Журнал «Ребенок в детском саду», 2002, №2.
  6. Журнал «Ребенок в детском саду», 2003, №3.
  7. Журнал «Дошкольное воспитание», 1999, №9.
  8. Журнал «Мурзилка», 1982, №6

Источник

1. <http://www.likebook.ru>